

Brendis

Тени Арканума. Касание врага

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Brendis

Тени Арканума. Касание врага

«Автор»

2026

Brendis

Тени Арканума. Касание врага / Brendis — «Автор», 2026

Её дар — смерть. Его армия — мертвецы. Их связь — неразрывна. Фрида — живое оружие, выкованное ненавистью Старейшей Арии. Она идёт убить Азазеля, зная, что одного прикосновения достаточно, чтобы повергнуть повелителя некрофагов. Но вместо его гибели метка связывает их судьбы. Они враги. Их разделяет война, ложь и кровь. Но когда Фрида узнаёт, что всё, во что она верила, — обман, а настоящий враг скрывается в тени, у неё остаётся только один союзник. Тот, кого она должна убить. Вместе они должны раскрыть заговор, остановить войну и найти предателя, который хочет их смерти. Но с каждым днём метка пульсирует всё сильнее, а вместе с болью приходит и другое чувство — то, что сильнее ненависти. Сможет ли Фрида рискнуть всем ради одного прикосновения? Или её дар навсегда оставит её в одиночестве? Книга полностью закончена.

© Brendis, 2026

© Автор, 2026

Brendis

Тени Арканума. Касание врага

Пролог.

Записано со слов Старейшей Ариш, Хранительницы Преданий Кану Совы, у костра, освещавшего лишь опалённые лица слушателей. Голос её хрипел, как осенний лист, но в каждом слове ощущалась несокрушимая сила прошлого...

"...Дети мои, послушайте песнь о начале начал, о дне, когда Арканум захлебнулся в крови, и о цене, заплаченной за хрупкий мир, что вы знаете. Не верьте сказкам о благословении кану, о даре звериной крови. Это ложь, придуманная, чтобы прикрыть зияющую рану в душе Арканума.

Было время, когда не было Стены. Было время, когда зоорожденные ходили по бескрайним землям, охотились в густых лесах, купались в ласковых водах, не зная страха. Кану были разными, но жили в гармонии, делясь дарами, которыми одарила их природа. Кан кошек, гибкие и ловкие, вели за собой охоту. Кан медведей своим непоколебимым мужеством защищали слабых. Кан соколов зорко следили за горизонтом, предупреждая об опасности. Озерные разговаривали с духами воды, предсказывая погоду и отыскивая рыбные места.

Но гордыня – ядовитая змея, приютившаяся в самом сердце человека. Некоторые из народа Каина, ослепленные властью и жадой большего, захотели изменить мир под себя. Они решили использовать силу крови для создания оружия, для подчинения других. Их имена забыты, вычеркнуты из истории, ибо прокляты устами всех последующих поколений. Но их злодеяние живо и поныне.

Именно они развязали войну с зоорождёнными, и последствия этому мы переживаем сейчас. Тьма пришла с небес, обрушилась подобно чуме, пожирая все на своем пути. Азазель – предводитель Каинов, создатель некрофагов, обрушил на нас свою мощь. Некрофаги – не звери. Они – пустота, обретшая форму, голод, воплощенный в кошмар. Они чувствуют запах жизни, запах звериной крови, и стремятся поглотить его, обратить в тлен.

Война была страшна. Зоорожденным приходилось сражаться не только друг с другом, но и против неисчислимой орды некрофагов. Земля обагрилась кровью, небо заволочло дымом пожарищ. Кану гибли тысячами, их сила и храбрость оказались бессильны перед всепоглощающей тьмой.

Тогда, в самый темный час, горстка самых сильных волей и духом зооророжденных объединилась. Они принесли себя в жертву, используя древнюю магию кану, чтобы создать Стену. Стену, отделившую Арканум от остального мира, отдавшегося во власть некрофагов. Стену, ставшую нашей тюрьмой и нашим спасением.

Стена не построена из камня, дети мои. Она построена из боли, из страха, из надежды. Она пропитана кровью тех, кто отдал свою жизнь, чтобы вы могли жить. Не забывайте об этом никогда. Ибо каждый камень Стены шепчет историю их жертвы, а ветер носит по Аркануму песнь костей. Слушайте внимательно, дети мои. Слушайте, и помните..."

Глава 1.

Мир вернулся рывком, болезненным и резким, будто меня выдернули из глубокого озера за волосы. Первое, что я почувствовала – чудовищная тяжесть. Веки казались свинцовыми, и я отчаянно пыталась их приподнять, словно поднимала неподъемный груз. В ушах стоял гул, и я не могла разобрать, где верх, где низ.

Наконец, после нескольких мучительных попыток, я приоткрыла глаза. Всё расплывалось. Пятна света и тени – вот что я видела. Потолок? Он был серым, неровным, и казался угрожающе низким. Я попыталась пошевелиться, но тело откликнулось лишь тупой, ноющей болью. Каждая косточка, каждый сустав казались окаменевшими, словно их залили бетоном. В

горле пересохло, как в пустыне. Я попыталась сглотнуть, но вместо этого издала хрип, похожий на предсмертный стон. Голова раскалывалась, пульсирующая боль пронзала виски, затылок, каждый миллиметр мозга. Казалось, внутри черепа кто-то молотком выбивает неровный ритм.

Попытка вдохнуть обернулась ещё одним мучением. Лёгкие словно забыли, как это делается. Воздух проходил с трудом, царапая стенки горла, и каждый вдох был мучителен. Я чувствовала холод. Не леденящий холод смерти, а зябкий, проникающий под кожу холод сырости.

Запах... в нос ударил резкий, неприятный запах чего-то землистого, гнилостного. Он вызывал тошноту, заставляя желудок сжаться в болезненный комок.

Я попробовала вспомнить, что произошло. Что-то смутное, далёкое...

-...проснулась...получилось! – *Голос. Знакомый голос, пробивающийся сквозь пелену забывтья.*

Я повернула голову, пытаюсь сфокусировать взгляд. Мир расплывался и двоился, но постепенно картинка начала обретать четкость. Девушка. Каштановые кудри, растрепанные и спутанные, словно после долгой борьбы с ветром. Лицо, усыпанное веснушками, почти не виднелись на смуглой коже. А в огромных, карих глазах, похожих на глаза испуганной лани, плескались слезы. Она сидела на коленях рядом со мной.

-...*Руби?* – Я попыталась произнести ее имя, но из горла вырвался лишь сухой хрип. Словно я проглотила горсть песка. Меня прорвало мучительным кашлем, сотрясавшим все тело.

- Помогите ей сесть!- Уверенный голос, прозвучал откуда-то сверху.

- Нет! Нельзя к ней прикасаться!- Другой голос, женский, возрастной.

Я сама сделала над собой усилие и попыталась подняться. Позвонки отозвались болезненным хрустом, словно старые, ржавые петли. В нос ударил новый запах – запах кожи, дерева и чего-то дикого, животного. Мне протянули бурдюк, наполненный прохладной водой. Руби поднесла его к моим губам, помогая сделать несколько маленьких глотков.

- Не торопись! – Она говорила тихо, с тревогой в голосе. Я перевела взгляд на мужчину. Короткие, жесткие волосы, окрашенные в рыжие и черные полосы, напоминали шкуру тигра. Ярко-зеленые глаза, словно два драгоценных камня, внимательно изучали меня. Кожа – смуглая, словно опаленная солнцем. На нем была надета плотная, потрепанная кожаная жилетка, подчеркивающая мощные плечи и сильные руки. И... когти. Черные, блестящие когти на руках. Я слишком долго разглядывала его, потому что он приподнял одну бровь в немом вопросе. Смутившись, я поспешно отвела взгляд, возвращая свое внимание к Руби.

- Фрида... что ты последнее помнишь? Ты понимаешь, где ты находишься? – Ласковый голос Руби, словно нить Ариадны, вывел меня из лабиринта замешательства. Ее слова прозвучали как далекий колокольчик, возвращая меня к реальности.

Я опустила взгляд. Руки. Одетые в плотные, грубые кожаные перчатки. Ноги. Обтянутые пыльными кожаными штанами, местами потертыми и выцветшими от времени. Высокие, черные сапоги, плотно зашнурованные до колен.

Затем мои руки, поползли выше, к груди. Я распахнула тяжелый, черный плащ, отделанный вышивкой, и нащупала пальцами жесткий кожаный корсет. Тонкие ремешки врезались в кожу, сковывая дыхание. И тут я почувствовала. Дырку. Крошечное отверстие, сделанное ножом. Рядом с сердцем. На месте, где должно биться сердце.

Но сердце молчало. Не билось. Не отзывалось на панику, охватившую меня. Мертвая тишина. Мой взгляд, как испуганный зверек, заметался от Руби к мужчине. Глаза расширились от ужаса, губы судорожно зашептали что-то невнятное. Я схватилась за грудь, пытаюсь почувствовать хоть что-то, но находила лишь холодную, безжизненную кожу.

- Фрида... Фрида, что такое?! – В голосе Руби прозвучала паника. Она попыталась приблизиться, но я отшатнулась, словно от огня. В глазах потемнело, и я почувствовала, как земля уходит из-под ног. *Что происходит? И почему мое сердце не бьется?*

- У неё паника!- резкий, надтреснутый женский голос пронесся эхом из-за спины, заставив меня вздрогнуть. Я резко обернулась, но не успела осмыслить происходящее, как по моему лицу с силой пришелся удар. Две кожаные перчатки, грубые и жесткие, ощутимо ударили меня по щекам. От неожиданности в груди схватило, и дыхание перехватило.

Я уставилась, не веря своим глазам, на женщину в годах, стоявшую передо мной. Ее седые волосы были туго собраны в кичку, а огромные, усталые глаза напоминали мудрые, но печальные глаза совы. Темно-коричневая мантия скрывала ее фигуру, придавая ей вид древней, могущественной жрицы. *Старейшая Ария.*

- Лучше? – спросила она, ее голос был спокоен, лишен всякого намека на сожаление. - Да...- мой ответ прозвучал приглушенно. Ошеломление не отпускало, лицо горело от удара. Я инстинктивно прижала ладонь к щеке, пытаюсь унять дрожь, пробежавшую по телу.

- Твое сердце забьется... чуть позже Фрида –

Осматриваясь, я пыталась понять, где я. Но воспоминания начали накатывать сокрушительной лавиной, застилая глаза пеленой. Голова завертелась. *Я... умерла?* Эта мысль была настолько чужой, что казалась бредом.

Нужно встать! Немедленно! Я попыталась напрячь ноги, но они, словно принадлежали кому-то другому, отказывались подчиняться. Кости казались тонкими, как стекло, готовые рассыпаться от малейшей нагрузки. Я пошатнулась, едва не упав, и лишь с огромным усилием, упираясь ладонью в холодный, гладкий камень пола, смогла встать на одно колено. Собрав остатки воли, я, наконец, поднялась на ноги, но тело отозвалось протестующей дрожью.

- Давай, прояви усилие! - подгоняла Старейшая Ария - Кости за год стали хрупкие, но через пару дней всё придет в норму –

- За год?! – голова закружилась, как от сильного удара, то ли от резкого подъема, то ли от ужасающей правды, которая медленно проникала в сознание -Я всё-таки умерла...? –

- Да...- коротко подтвердила Старейшая

- И Вы оживили меня?!- изумление и гнев боролись во мне.

- Оживили...не сказать, что это было легко...мы искали способы не один месяц, а затем много недель собирали нужные силы и снадобья...-

Ее взгляд, пристально изучавший меня, приносил лишь дискомфорт. Я сделала несколько шагов в сторону, пытаюсь уйти от этого назойливого внимания. Взгляд упал на осколок разбитого зеркала, грубо приклеенный к обшарпанной стене.

Из зеркальной крошки на меня смотрела ужасающе худая девушка с нездоровым сероватым оттенком кожи. Синие волосы, когда-то яркие и вызывающие, отросли до плеч и казались тусклыми и безжизненными. Потрескавшиеся губы были покрыты засохшей кровью, словно после долгой агонии. Раньше мои глаза светились ярким оранжевым огнем жизни, а теперь лишь слабо мерцали блеклым желтым светом. Я машинально потрогала проколотую бровь, чувствуя онемение в кончиках пальцев, и провела рукой по ледяному лицу, словно пытаюсь стереть с него эту неестественную серость, как пыль.

- Что последнее ты помнишь? – Мягкий голос Руби вернул меня из паутины раздумий.

Я сосредоточилась, пытаюсь уловить нить ускользающего прошлого. «Войну... Помню войну. Мы отправились с отрядом вооруженных за Стену, в земли некрофагов. Я хотела найти и убить... Азазеля!» – последнее слово прозвучало с горьким привкусом, словно я сама не верила в это.

- Да... только тебе это по силам...закончить войну...твой святой долг перед Кану- Старейшая Ария подошла ближе, ее совиные глаза пристально изучали меня. – Что еще ты помнишь? –

- Я добралась до замка Азазеля... отряд остался прикрывать меня... помню красные глаза ... крик ...- меня прошиб озноб. Рука непроизвольно сжалась, я подавила желание снять перчатку, под которой скрывалась...*что?* – Потом темнота. Азазель... он убил меня? – я поверну-

лась к Старейшей, взгляд мой метался между ней и Руби, которая, прижав руки к груди, стояла неподалеку, ее лицо искажилось от боли.

- Да... – тихо подтвердила Старейшая. – Тебя нашел Рави. Он вытащил тебя из его замка и вернул сюда, в Арканум-

Я перевела взгляд на до сих пор молчавшего кошачьего Кану в углу комнаты. Его огромные глаза, которые до этого были полные ленивой отстраненности, теперь смотрели на меня с неприкрытым вниманием. Он оттолкнулся от стены, и наши взгляды встретились.

- Как тебе удалось покинуть замок невредимым и даже взять меня с собой ...?-

Рави медленно подошел, его движения были плавными, почти гипнотизирующими.

- Когда мы пробивались через толпу некрофагов... силы наши были неравны. Я уже думал, что нам конец... И вдруг... все некрофаги просто упали замертво. Я помчался в тронный зал... увидел тебя и Азазеля. Вы оба были... моими глазами, я думал – мертвы... но... я ошибся-

- Азазель жив?-

- Азазель контролирует некрофагов. Когда ты смогла лишить его чувств, хоть и не знаю как... они пали. Но набеги на Стену возобновились. Некрофагов стало меньше, чем прежде, их видели... но их поведение изменилось. Они больше не нападают... Они как будто... поумнели. И они что-то ищут...-

- Ищут что? - мое дыхание участилось.

- Тебя Фрида... мы думаем Азазель ищет тебя... - Старейшая Ария подошла ко мне вплотную, ее взгляд, проникающий в самую душу, заставил меня съежиться.

- Я не знаю зачем, не знаю почему...но я знаю одно Фрида... Ты должна довершить свою миссию и убить Азазеля...твой дар...-

- Мой дар?! – внезапный приступ ярости захлестнул меня, перекрывая боль и страх. Это проклятье! Проклятье, которое разрывает меня изнутри, которое убивало меня каждый гребанный день! Я несу смерть! Я и есть смерть! - Голос сорвался на крик, в котором звучала вся моя боль и отчаяние.

- Фрида... - прошептала Руби. В ее глазах плескалось сочувствие, но я не хотела его. Я не заслуживала его. Сейчас я чувствовала лишь пустоту и гнев.

- Мы оставим тебя... Тебе нужно немного отдохнуть и прийти в себя, — голос Старейшей Арии, обычно такой спокойный и мелодичный, теперь звучал с ноткой нежности, почти материнской. — Найди меня, как только захочешь поговорить... - Она сделала едва заметный, прощальный жест рукой, и звуки шагов осторожно ступавших Руби и Рави стали удаляться, растворяясь в гулкой тишине подземелья.

Как только последние отголоски их присутствия стихли, словно сбросив невидимые оковы, которые удерживали меня на месте, я позволила буре эмоций, бушевавшей внутри, вырваться наружу. Глубокий, судорожный вдох — и воздух, казалось, больше не мог утолить жажду жизни, которую я внезапно почувствовала. Я поддалась рыданиям, и тело, охваченное неконтролируемым дрожанием, скользнуло вдоль грубой, холодной каменной стены, пока я не оказалась на полу пещеры. Воспоминания, яркие и мучительные, нахлынули с новой силой, а боль от осознания произошедшего, словно острые осколки, разрывала душу.

Сколько часов прошло в этой сырой, забытой Богами пещере, я не могла бы сказать. Время потеряло свою привычную линейность, а единственными спутниками были холод, пробирающий до костей, и всепоглощающая усталость, которая медленно, но верно уносила последние проблески сознания. Когда чувство онемения и ледяной холод взяли верх над моими мыслями, я, собрав последние силы, поднялась. Ноги, словно чужие, отказывались слушаться, шатаясь, но я упорно проследовала к выходу, освещаемому лишь тусклым, призрачным светом, проникающим сквозь узкую щель.

Тёмный, извилистый коридор встретил меня клубами сырости и непроглядной тьмой. В отличие от зоорожденных, чьи глаза могли пронзить мрак, мне приходилось полагаться на осязание. Ладонь, прижатая к влажному, шершавому камню, вела меня вперёд, пока, наконец, мои пальцы не нащупали начало лестницы, ведущей наверх, её ступени были стёрты от времени и бесчисленных переходов. С тихим скрипом, словно вздох старого мира, я толкнула тяжёлую, массивную дверь. Она поддалась, открывая путь в обширные, забытые катакомбы Арканума.

Арканум... Когда-то это был город-мечта, утопающий в зелени. Его улицы извивались, как изумрудные реки, окаймляя бесчисленные озёра, сверкающие под ласковым солнцем. Густые, непроходимые джунгли подступали к самым окраинам, а величественные горы, казалось, касались небес. Но всё это великолепие было уничтожено с наступлением эры негрофагов. Тогда, спасая остатки нашего народа — зоорожденных, — мы были вынуждены уйти, укрывшись в глубинах города, в его древних, забытых катакомбах.

Резкое сокращение населения, унесённого войной, сжало нашу жизнь до пределов этих каменных лабиринтов. Чудом, или, возможно, благодаря древней магии, мы смогли уместиться в одной гигантской, многоэтажной расщелине. Эта естественная многоуровневая пещера была искусно поделена на секции, каждая из которых служила домом для определённого Кану — вида зоорожденных. В небольших, уютных пещерках, высеченных прямо в стенах, мы устроили себе комнаты, стараясь сохранить хоть крупицу прежнего комфорта.

Самые верхние уровни, пронизанные лучами солнца, были отданы Старейшей Арии и членам Совета. Это была единственная площадь, где, вопреки мраку подземелья, сохранились живые зелёные насаждения — небольшой, но драгоценный оазис. Старейшая Ария, будучи представителем Кану Птичьих, легка и свободна, словно ветер. Ей не составляло труда взмыться или спикировать вниз, когда ей того хотелось, посещая жителей или наблюдая за жизнью города-подземелья. Для остальных же, включая меня, путь наверх пролегал по многочисленным, извилистым каменным ступеням, которые, казалось, тянулись в бесконечность.

Я же, жила на четырнадцатом этаже, где царила прохлада и тени, соответствующие природе Кану кошачьих. Но самое нижнее «дно» расщелины, где я оказалась сейчас, было домом для представителей низших Канов — грызунов и рептилий. Именно там, в вечном полумраке, где воздух был густым и тяжёлым, не принято было задерживаться. Суровый закон подземелья гласил: эти обитатели не отличались дружелюбием, а их территории охранялись с особой яростью.

Не желая ни с кем пересекаться и тем более привлекать к себе излишнее внимание, которое в этих местах могло быть намного опаснее, чем обычная опасность, я прижалась к шершавой, холодной стене. Мои шаги были почти бесшумны, отточенные годами осторожности. Я быстро нашла проход, ведущий к лестнице, ведущей наверх, к более «престижным» этажам. Натянув ворот моего тёмного, грубого плаща максимально высоко, скрывая большую часть лица, я начала свой путь наверх. Благо, на этих нижних этажах существовала негласная традиция — прятать лицо, будь то от мрака, или от чужих глаз. Это позволяло мне слиться с тенями и не вызывать лишних подозрений.

С каждым шагом вверх напряжение, сковывавшее моё тело, постепенно спадало. Атмосфера вокруг становилась менее гнетущей, более оживлённой. Слышался приглушённый говор, иногда — короткий смех, звуки, которые на нижних уровнях были такой редкостью, что казались почти нереальными. Казалось, я наконец-то вынырываю из глубин мрака на свет.

Когда я, наконец, добралась до знакомого прохода, ведущего к моей комнате, я невольно остановилась и мысленно поблагодарила всех Богов, каких только знала, за то, что прошла этот путь незамеченной. Дверь распахнулась с тихим скрипом, открывая взору моё скромное жилище. Всё было именно так, как я помнила. Моё долгое, мучительное отсутствие выдавал лишь тонкий, но уверенный слой пыли и мелкого песка, покрывавший всё вокруг, словно печать времени. Я зажгла факел, ловко ударив друг о друга два подходящих камня, и их огнен-

ный язык неуверенно заплескался на стене, освещая мою скромную обитель. Усталость, накопившаяся за долгие часы блужданий и тревог, навалилась с новой силой, и я, не в силах больше держаться на ногах, упала на пыльную, но такую долгожданную кровать.

Запах старого дерева и затхлой ткани смешался с ароматом чего-то сладковатого, едва уловимого, что, казалось, затаилось в углах комнаты. Это был запах дома, знакомый и утешающий, несмотря на пыль и запустение. Я провела рукой по покрывалу, ощущая его грубую, но привычную текстуру. В такие моменты, когда опасность отступила, а временное убежище было найдено, самые простые вещи казались бесценными.

Яркий, пронзительный звук «звонкого рога» разорвал полудрёму, оповещая всех об одном из немногих приятных событий в подземном мире – наступлении ужина. Больше прятаться было нельзя, да и желания не оставалось. Тяжесть моего отсутствия, кажется, давила даже на стены комнаты. Собравшись с духом, я отряхнулась от накопившейся пыли, которая, казалось, въелась в самую кожу, и вышла навстречу неизбежному.

Уже по мере моего приближения к шумной обеденной зоне, где собрались зоорожденные разных Кану, я почувствовала на себе десятки взглядов. Молчание, которое обычно здесь царило, сменилось шёпотом, а любопытство в глазах становилось всё более неприкрытым. Я ощущала себя экспонатом, невесть как вернувшимся в свой мир.

— Фрида! – сквозь гул голосов донёсся тёплый, знакомый голос Руби. Её глаза сияли искренним облегчением. – Ты наконец проснулась! Я заходила к тебе, но не стала будить... Понимаю, ты, наверное, проголодалась? Пойдём к нам за стол!

Руби, не дожидаясь моего ответа, ловко схватила поднос из стопки. Её движения были быстрыми, энергичными, словно она пыталась перекрыть моё долгое отсутствие суетой.

— Иди, иди, я тебе что-нибудь вкусненькое возьму! – её энтузиазм был заразителен. Я лишь кивнула, чувствуя, как к горлу подступает комок, и повернулась к небольшому, свободному столу, за которым уже сидел Рави, сдержанно улыбаясь.

Пробираясь сквозь кордон любопытных зевак, чьи взгляды, казалось, прожигали меня насквозь, я вновь услышала оклик, но на этот раз он был исполнен едкого сарказма.

— Ну надо же... сама Фрида воскресла из мёртвых..., наша спасительница Арканума, только посмотрите на нашего великого воина! – Голос Бастит, представительницы кану-пантеры, разнёсся по залу громче, чем было бы позволительно.

Я обернулась. Её черные, как ночь, волосы были аккуратно срезаны в идеальное каре, обрамляя лицо с завораживающими зелёными глазами. Её изящные, но смертоносные чёрные когти, казалось, двигались сами по себе, напоминая о том, сколько негрофагов они разорвали.

— Бастит... — только и успела произнести я.

— Даже не здороваешься? – она сложила руки на груди, её глаза метали молнии. – Пока ты там, прохлаждалась, спасительница всего Арканума, наш род погибал! Я говорила Старейшей Арии, что нельзя делать ставку на одну фигуру, но она не послушалась. И где мы сейчас?! Ты не смогла нас спасти!

Моё собственное терпение, исчерпанное долгим отсутствием и пережитой болью, наконец, иссякло. Я посмотрела ей прямо в глаза, чувствуя, как внутри зарождается новый гнев.

— Я не прохлаждалась, Бастит, — я произнесла каждое слово с холодной твёрдостью. — Я умерла!

— Спорное заявление, — Бастит усмехнулась, её голос стал ещё более зловещим, — ведь ты стоишь передо мной сейчас. Это наводит на размышления... интересно, ради кого из зоорожденных Старейшая Ария стала бы так заморачиваться, чтобы вернуть к жизни, скажем так, «погибшую»? — Она приблизилась ко мне вплотную, и в её глазах плескалась откровенная ненависть. Злым, хищным шёпотом она промурчала, обдавая меня ледяным дыханием: — Сколько зоорожденных умерло ради твоей жизни, Фрида?

Эти слова ударили меня, как физический удар. Я отшатнулась, чувствуя, как холодный пот стекает по вискам.

— О... о чём ты? – прошептала я, пытаюсь осмыслить её обвинения.

— Спроси у своей драгоценной Старейшей... она наверняка знает, сколько жизней было принесено в жертву ради спасения одного «солдата», — Бастит подалась вперёд, но тут же оказалась оттеснена.

— Не стоит подвергать решения Старейшей Арии сомнениям, Бастит! – голос Рави прогремел рядом, наполненный стальной решимостью. – Смотри, как бы тебе самой не пришлось ответить за свои слова!

— Ооо, мне угрожает сам Рави! – Бастит вскинула голову, её глаза сверкнули, но в них промелькнула и доля страха. – Боюсь, боюсь! Не пошел бы ты за своей оленихой, пока мы не устроили на неё настоящую охоту?!

— А ну-ка, повтори! – Рави тут же инстинктивно выпустил острые когти, его тело напряглось, принимая оборонительную позу. Бастит, увидев эту решимость, также приняла боевую стойку, её чёрные когти предвещали неминуемую схватку.

— Хватит! – внезапно раздался низкий, властный голос из толпы. Зоорожденные, словно по команде, расступились, пропуская вперёд двух могучих представителей Кану Медведей. Их массивные фигуры излучали силу и спокойствие. – Мы не станем устраивать здесь бойню, ясно?! Ужин – это время для еды, а не для кровавых распрей!

Бастит, бросив на Рави последний полный злобы взгляд, лишь зашипела, как раненый зверь, и, развернувшись, гордо удалилась из обеденной зоны, её исчезновение оставило после себя шлейф напряжения. Я, поддавшись облегчению, с Рави вернулась к столу, где нас уже ждала Руби, с тревогой наблюдая за произошедшим.

Я плюхнулась на стул, словно ноги отказались держать меня дальше. Громкий, выдох, вырвавшийся из груди, казался единственным способом избавиться от накопившегося напряжения. Стакан воды, который Руби тут же подвинула ко мне, показался спасением. Я осушила его залпом, чувствуя, как прохлада возвращает мне силы.

— Слишком много для одного дня? — Рави, сидя напротив, смотрел на меня с искренней обеспокоенностью.

— Слишком много для одной жизни... — мой голос прозвучал хрипло, и я сжала пустой стакан в руке. — Мне нужно переговорить со Старейшей... — Я оторвала взгляд от стеклянной поверхности, чувствуя, как на меня смотрят мои друзья, и их взгляды, полные вопросов и волнения, заставили меня замолчать, прежде чем продолжить. — Так вы, ребята... эм... как насчёт вас?

— Угу, — кивнул Рави, отпивая воду из своего стакана, его взгляд не отрывался от меня, но в нём читалось что-то новое, какое-то скрытое знание. — Кто бы мог подумать, что моя «истинная» окажется из млекопитающих...

— «Истинная»? — Я перевела изумлённый взгляд на Руби, которая уже протягивала мне руку. На тёмной коже её безымянного пальца, проступила изящная татуировка с тигриным орнаментом, извиваясь, словно живая.

Истинные пары... Эта концепция была для зоорожденных, чем-то мифическим, чем-то из древних легенд. Я не встречала таких в своей жизни, а если и слышала о таких случаях, то они были исключительно среди представителей одного рода. Найти истинного среди другого вида, из другого Кану... это было настолько невероятно, настолько немыслимо, что могло означать лишь одно: всё привычное и знакомое в жизни зоорожденных, весь наш уклад, который казался незыблемым, — непоправимо менялся. И эта мысль, наряду со всем остальным, обрушилась на меня всей своей тяжестью.

— Я пойду... — я поднялась со стула, ноги всё ещё казались ватными.

— Но, Фрида, ты ничего не съела! — Руби с тревогой посмотрела на мой поднос. — И сейчас уже поздно... Старейшая наверняка отдыхает... Сходи к ней утром, а?

— Да, да... утром, — я кивнула, но мысли мои витали где-то далеко. Взгляд упал на румяный пирожок, оставленный на столе. Не раздумывая, я схватила его и быстро отправила в рот. Желудок, казалось, ожил, приятно заурчал, и я, поспешно попрощавшись с ребятами, отправилась к выходу, почувствовав, как последние крохи силы возвращаются ко мне.

Мне нужно было срочно, до дрожи, смыть с себя всю эту пыль, грязь и, главное, мысли, которые роились в голове. Я забежала в свою комнату, схватила первые попавшиеся простые вещи — они, казалось, были пропитаны затхлостью, но сейчас это не имело значения — и бросилась прочь. Моя цель была ясна: водные Кану. Сейчас, когда уже стемнело, может быть, мне повезёт застать источник без лишних глаз, без любопытных взглядов.

Я петляла по бесчисленным коридорам, пока наконец не почувствовала в воздухе долгожданную сырость. Спуск по крутому, скользкому гроту вёл меня вниз, и вот он — оазис Арканума, большое, спокойное озеро, мирно раскинувшееся под сводами гигантской пещеры. Подводные Кану, как я знала, занимали совсем другое крыло. Сюда же приходили те, кто жаждал насладиться спокойствием водной глади, перевести дух, окунуться в освежающую прохладу. Убедившись, что я здесь совершенно одна, я быстро стянула с себя всё пыльное, грязное тряпье и медленно, осторожно погрузилась в прохладную, обволакивающую воду. Озеро оказалось достаточно глубоким, и я, затаив дыхание, нырнула настолько, насколько могла, сжавшись в комок, словно зародыш, стремясь унять дрожь. В таком положении я надеялась услышать отклик своего сердца, но оно по-прежнему молчало, лишь глухой отголосок удушья напоминал о суетности попыток. Всплыв на поверхность, я сделала долгий, жадный вдох и поплыла к краю озера. Прислонившись спиной к холодной, влажной стене пещеры, я умыла лицо, смывая не только грязь, но и тревогу. И тогда мой взгляд упал на запястье правой руки... Тупую, ноющую боль я почувствовала ещё после пробуждения, но в суматохе и от пережитых эмоций совсем забыла осмотреться. На запястье, словно клеймо, засияло чёрное как смоль пятно. Оно не было похоже на обычный синяк, а скорее на зияющую пустоту, выжженную в самой ткани моей кожи. любопытство взяло верх, и я протянула руку, чтобы прикоснуться к его краю. Едва мои пальцы коснулись странного узора, как по всему телу пробежал болезненный разряд тока, заставляя меня отпрянуть.

— *Наверное, лучше это пока... не трогать*, — пронеслось в моей голове. Ощущение было странным — одновременно пугающим и завораживающим.

Выбравшись из озера, я натянула на себя чёрные брюки из непробиваемой ткани, плотно затянула корсет, который облегал мою фигуру, словно вторая кожа. Рукава моего костюма были выполнены из того же материала, надёжно скрывая необычное пятно на запястье. Наконец, я взмахнула плащом, его складки заструились, и зашнуровала сапоги, готовая снова встретить мир.

Глава 2.

Резкая, пульсирующая боль пронзила мою руку — словно кто-то раскалённый уголь прижал к запястью и держит, не отпускает, позволяет металлу вплавляться в плоть. Я резко подскочил с постели, едва не запутавшись в простынях, и злобно зашипел сквозь стиснутые зубы, пытаясь совладать с внезапным приступом. В висках застучало, перед глазами на мгновение всё поплыло алыми кругами.

На моём запястье вновь пульсировала та чёрная, рваная дыра. Проклятый след. Оставшийся после той... встречи.

Не выдержав, я вскочил с кровати и, едва не спотыкаясь о собственную же тень, отправился в умывальню. Ноги плохо слушались — словно свинцом налитые. Налив в ладонь холодной воды из кувшина, я плеснул её на обожжённую руку. Вода обожгла почти так же сильно, как боль, но хотя бы на секунду притупила это жгучее, бесконечное горение.

Пот крупными каплями выступил на моём лбу, скатился по виску, смешался с водой на запястье. Я тяжело дышал — так дышат звери, загнанные в угол, но не сдающиеся.

Поднял взгляд на своё отражение в зеркале.

Чёрные, бездонные глаза — лишённые зрачков, пустые, как ночное небо без звёзд — смотрели на меня измождённо. Под ними залегли тёмные круги, глубокие, словно трещины на древней статуе. Красные волосы, бритые по бокам, растрепались во сне, утратив тот злобный блеск, которым гордились даже мои враги. Теперь они казались потускневшими. Выцветшими. Как старая кровь на забытом поле битвы.

Чёрные татуировки — замысловатыми узорами покрывающие моё лицо, шею, плечи, уходящие под край майки — внезапно вспыхнули фиолетовым свечением. Ярко. Пульсирующе. Словно пробудившись ото сна. А затем, спустя несколько ударов сердца, вновь затухли, оставив на коже лишь смутное, почти невидимое мерцание.

В приступе самоистязания — или отчаяния? я уже не различал — я провёл кончиками чёрных когтей по лицу. Медленно. С наслаждением. Царапая кожу до тонких белых полос, которые почти сразу наливались алым. Боль от этого была привычной, почти успокаивающей.

Мой длинный, красный хвост с острым, как бритва, концом встал дыбом, напряжённый до предела, — выражая то, что я никогда не позволил бы себе высказать словами. Внутреннюю ярость. Беспомощность. И тоскливое, дикое желание разбить что-нибудь вдребезги.

Но я сдержался.

Вышел из умывальни, завернувшись в тяжёлый шёлковый халат — тёмно-бордовый, с золотой вышивкой, подарок той, кто сейчас лежала в моей постели. Подошёл к окну.

На лакированной поверхности столика у окна сияли бокал и хрустальный графин, наполненный янтарным вином. Я налил, не глядя, — до краёв, плеснуло на руку, но я не обратил внимания.

— Мой Господин... всё в порядке? — прозвучал тихий, мелодичный голос. Сонный, но уже настороженный.

Я обернулся.

Она лежала в постели — обнажённая, не пытаясь прикрыться, потому что стыда между нами не было уже давно. Розовые длинные волосы ниспадали по сверкающей серебром коже, струились по подушке, как река цветущих вишен. Её глаза — цвета утреннего неба — смотрели на меня с беспокойством.

Я сделал большой, обжигающий глоток вина. Ощутил, как терпкая горечь растворяется на языке, как тепло разливается по горлу, уходя в грудь и заглушая на секунду ту, другую боль. И снова отвернулся к окну. За стеклом была тьма. Только редкие огни замка внизу.

— Вас что-то мучает, мой Господин? — снова её голос. Теперь ближе. Я услышал шорох простыней, тихий шелест её шагов по ковру. — Может, я смогу развеять Ваши печали?

Её руки обвились вокруг моей спины — мягко, привычно, собственнически. Пальцы скользнули по моим рёбрам, замерли на поясе халата.

— Лириэль... — проговорил я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как слова вязнут на языке, как горло сжимается от желания либо закричать, либо разбить графин об стену. — Ложись спать.

— Ты в последнее время такой чужой... — её голос зазвучал тише, в нём появились нотки мольбы, которых я раньше не слышал. Или не замечал. — Азазель... я не узнаю тебя. Что занимает твои мысли?

Её пальцы пробежались по моей коже, пытаясь проникнуть под броню моего молчания. Но броня была крепкой. Слишком крепкой для ласки.

— Этот разговор начинает меня утомлять, — откровенно прорычал я. В голосе не осталось мягкости — только металл и острые края.

Я отпил последние капли вина. Поставил бокал на столик — с глухим, слишком громким в тишине стуком.

Отстранился от неё.

Ощутил, как тонкое прикосновение её рук становится невыносимым. Как кожа под её пальцами начинает гореть — не от желания, а от чужеродности.

Не оборачиваясь, я вышел из комнаты. Спешно запахивая халат, словно пытался скрыться не от холода, а от собственного отражения, которое осталось там — в зеркале, в её глазах, в пульсирующем следе на запястье.

— Господин!

Я вышел в коридор и почти столкнулся с одним из моих некрофагов.

В последнее время мне всё сложнее их контролировать. Я вкладывал все силы на поиски той девчонки — все ресурсы, всю волю, каждую свободную минуту. И мне пришлось наделить моих подопечных большим разумом, чем я планировал изначально. Слишком большим. Иногда я ловил себя на мысли, что они смотрят на меня не как на хозяина, а как на... равного.

Тёмные солдаты. Моя ожившая мёртвая гвардия. Они двигались с неестественной, завораживающей грацией — каждый шаг выверен, каждое движение плавно, как у хищника перед прыжком. Их мертвенно-бледная кожа, пронизанная тонкими фиолетовыми прожилками, казалась неожиданно крепкой — почти бронированной. А тусклый алый огонь, пылающий в глубине их пустых глазниц, служил живым напоминанием о моей печати. О той связи, что скрепляла их волю с моей — неразрывно, до самого конца, которого у них уже не было.

Искажённые черты их лиц, покрытые древними, мрачными символами, теперь не пугали даже меня — скорее, украшали их. Словно зловещие регалии, свидетельства силы, которую я в них вдохнул.

Это были не бездумные марионетки. Не те шаркающие, стонущие твари из детских страшилок. Это были разумные существа, чьи разлагающиеся, но невероятно прочные тела служили мне верным оружием. Их речи были обрывистыми, хриплыми — состояли из коротких команд и донесений, но каждое слово было полно зловещего смысла. Каждый их шаг, каждое движение — часть тщательно продуманного плана, отточенного веками существования. Плана, направленного на сокрушение врагов моего рода. На уничтожение проклятых зоорожждённых.

— Нашли девчонку?! — мой голос был резким, не терпящим возражений.

Некрофаг отрицательно закивал. Его голова дёрнулась странно, неестественно — обнажив на секунду извивающуюся под бледной кожей шеи тонкую фиолетовую нить. Мой знак. Моя власть.

— Нет, Господин. Нашли Кану Рептилий, — прохрипел он. — Матерь болот.

Я замер. Кану Рептилий. Это было не то, чего я ждал. Не то, что мне было нужно. Но... возможно, это могло привести к ней. К той, чей след жёг моё запястье каждую ночь.

— Привели её в замок? — спросил я, напрягаясь. В голосе зазвучала опасная нотка — предчувствие плохих новостей.

Некрофаг снова отрицательно закивал, и на этот раз его движение было почти виноватым.

— Сильная Кану, — сказал он. — Сказала, что ожидает Вас... там. В болотах. Не пойдёт на зов.

Я злобно зарычал. Звук родился где-то глубоко в груди, прокатился по коридору, заставив ближайших некрофагов вздрогнуть и опустить взгляды. В моих жилах закипал гнев — тяжёлый, древний, почти неуправляемый.

«Ладно, — подумал я, усмиряя ярость усилием воли, которая далась с трудом. — Ладно. Если она не идёт ко мне... я приду сам».

Я тряхнул руками.

Тяжёлый шёлковый халат, отяжелевший от полуночного пота, дрогнул — и начал преобразовываться. Шёлк потемнел, стал плотнее, принял новые очертания. Алый кожаный плащ тяжело упал на плечи. Высокие чёрные ботинки с глухим стуком коснулись каменного пола. Плотные штаны, заправленные в чёрную майку, облепили тело, готовое к бою.

Я чувствовал, как сила возвращается в мышцы — вместе с гневом, вместе с жаждой действий.

— Берём дюжину наших, — приказал я, не глядя на некрофага. Голос стал спокойным — та страшная спокойность, что бывает перед бурей. — И выдвигаемся.

— Слушаюсь, Господин.

Он исчез так же бесшумно, как появился. А я остался в коридоре — один, если не считать теней по углам.

Я посмотрел на своё запястье. Чёрная дыра пульсировала в такт сердцу — моему или её? Я уже не помнил, чьё сердце билось в том проклятом ритме.

— Я найду тебя, — прошептал я в пустоту. — Чего бы это ни стоило.

За спиной, в спальне, послышался тихий всхлип. Лириэль. Я не обернулся.

Некогда было.

Болота ждали.

Путь к топким болотам, где обитала Кану Рептилий, был неблизким. Но ныне он стал намного безопаснее — по крайней мере, для меня. С тех пор, как мне удалось загнать уцелевших зоорождённых за Стену, их набегі превратились лишь в жалкие, досадные помехи. Не более тревожные, чем назойливая муха, которую отмахиваешь на ходу, даже не замедляя шага.

Впрочем, полностью избавиться от этих тварей всё ещё не удавалось. Они были живучими, как тараканы, и такими же бестолковыми. Но это были уже не смертельные угрозы, от которых холодеет в жилах. Скорее — неприятные коллизии на моём пути. Заминки. Ничто.

Чтобы добраться до логова Кану, мои некрофаги подогнали мне моё лучшее творение. О таких существах я читал в пыльных фолиантах древних манускриптов — тех самых, что хранились в самой нижней библиотеке замка, куда даже слуги боялись заходить из-за густого, почти осязаемого страха, пропитавшего стены.

Зверь, лишённый самой сути человечности. Тот, кого в стародавние времена называли «конями».

Я смог воссоздать его скелет — словно каркас для скульптуры, выверенный до последнего миллиметра. А затем обтянул его мускулами, сплетёнными из теней и скреплёнными моей волей, и грубой кожей — такой же, как у некрофагов. Бледной, с фиолетовыми прожилками, кое-где потрескавшейся, обнажающей тускло мерцающие кости.

Он дышал моей волей. Так же безоговорочно, как и мои мёртвые солдаты. У него не было страха, не было сомнений, не было той жалкой человеческой слабости, что заставляет дрожать перед неизвестностью. Только повиновение. Чистое, абсолютное.

Я нарек его «Вассалом».

Несколько томительных часов спустя мы ступили на пропитанную влагой землю топких болот.

Здесь воздух был другим — тяжёлым, влажным, он оседал на лёгких, словно кто-то вливал в горло тёплую грязь. Я оставил Вассала у подножия векового дерева — его костяная плоть выглядела чуждой, почти кощунственной среди этой унылой, гниющей зелени. Дерево вздрагивало, словно чувствуя рядом присутствие смерти, но не смело роптать.

Дальнейший путь был полон опасностей. Тропа, если её вообще можно было назвать тропой, утопала в вязкой тине и трясине. Каждый шаг мог стать последним — мягкая почва предательски уходила из-под ног, а из чёрной воды то и дело вырывались пузыри болотного газа, пахнущие тухлыми яйцами и чем-то более древним, более страшным.

Я двигался осторожно, ступая туда, куда указывали некрофаги — они чувствовали топь лучше меня, их мёртвые тела не боялись увязнуть в том, от чего живой содрогнулся бы.

— Кану дальше, — хрипло указал один из них, вытянув костлявую руку в сторону. — В большом иве.

Его фиолетовые прожилки под мертвенно-бледной кожей пульсировали в такт словам — слабо, но ритмично, словно второе сердце. Я проследил за его жестом.

Вдали, на фоне серого, выцветшего неба, чернел исполинский силуэт.

Я прикрыл рот рукой, пытаясь отгородиться от затхлого, удушливого запаха плесени и гниения, который здесь витал постоянно. Бесполезно. Он проникал сквозь пальцы, сквозь кожу, сквозь самую волю — въедливый, как память о старых ранах.

Я двинулся в центр этого царства разложения.

И вот, наконец, перед нами раскинулась исполинская Ива.

Она была огромной — настолько, что я не мог охватить взглядом ни её крону, уходящую куда-то в облака, ни корни, уходящие в самое сердце болота. Её переплетённые ветви, покрытые мхом и лианами, свисали до самой земли, создавая подобие живого шатра. Они казались одновременно началом и концом этого топкого места. Его пульсирующим сердцем. Его самой жизнью.

Узкая, едва заметная каменная дорожка — выложенная кем-то очень давно, настолько давно, что камни успели врасти в землю — петляла, вела к её стволу. В массивной толще дерева зиял вход. Тёмная, манящая дверная прорезь. Ни двери, ни заслона — просто... отверстие. Словно дерево само раскрылось, впуская.

Я подошёл ближе. Коснулся края проёма — кора была тёплой. Живой. Под моими пальцами она пульсировала — медленно, сонно, как пробуждающийся зверь.

Со скрипом — не двери, скорее самого дерева — створка (а может быть, сама плоть исполинской ивы) отворилась. Я мысленно приказал некрофагам ждать снаружи. Они замерли, молчаливые, недвижимые, — десяток каменных изваяний посреди болотной грязи.

Я шагнул внутрь.

Створка захлопнулась за моей спиной.

Звук был глухим, тяжёлым — словно захлопнулась крышка гроба. И сразу же всё вокруг погрузилось в густую, почти осязаемую темноту. Она давила. Обволакивала. Лезла в глаза, в нос, в уши, лишая всех чувств, кроме одного — ледяного, пронизывающего холода.

Мороз пробрал до костей. По коже побежали мурашки — не от страха, нет, я давно привык бояться в человеческом понимании этого слова. Скорее от осознания, что я нахожусь в месте, которое живёт по своим законам. И эти законы мне не подвластны.

— Эм... привет? — мой голос прозвучал глухо, неуверенно. Слишком громко для этой тишины, слишком чужеродно.

В ответ — лишь тягостная тишина. Словно кто-то затаил дыхание. Словно само болото замерло, прислушиваясь.

Я развернул руку ладонью вверх и щёлкнул пальцами. Призвал огонь.

Сноп пляшущих языков пламени вырвался из моей ладони — яркий, обжигающий, живой. Он осветил комнату, выхватывая из тьмы предметы и рисуя на стенах жутковатые, изломанные тени.

Я огляделся.

С потёртого, покрытого пятнами сырости потолка свисала густая паутина. Ключьями, длинными седыми прядями, словно волосы древней старухи. Вдоль стен тянулись ряды пыльных склянок и бутылок — разных форм, разных размеров, наполненных субстанциями неизвестного происхождения. В одной что-то зеленоватое мерцало собственным светом. В другой — булькала густая, чёрная жидкость. В третьей — плавал странный, похожий на зародыш, бесформенный комок.

Стол, массивный и тёмный, был завален ворохом пыльных бумаг, высохших трав, засохших корней и ещё множества предметов, назначение которых мне было неизвестно. Какой-то амулет. Засохшая лапа небольшого зверька. Кинжал с изогнутым лезвием и навершием в виде змеиной головы.

Всё это покрывал слой пыли такой толщины, что казалось — здесь не убирались десятилетиями. Или веками.

Огонь в моей руке начал угасать — я не хотел тратить силы попусту. Наконец, мой взгляд упал на тяжёлый бронзовый подсвечник, стоявший на краю стола. Внутри него догорал огарок свечи, оплывший белым воском до самого основания.

Я взял подсвечник. Поднёс к огню в своей ладони. Свеча зажглась — робко, неуверенно, но её тёплый, колеблющийся свет наконец-то рассеял мрак, позволив мне оглядеться по-настоящему.

За столом виднелся дверной проём, завешанный деревянными бусинами — старыми, почерневшими от времени и влаги, нанизанными на тонкие кожаные шнуры. За этой импровизированной дверью послышались тихие, шаркающие шаги.

Кто-то шёл.

Бусины зазвенели — сухо, неприятно, столкнувшись друг с другом, словно маленькие костяшки счётов, отсчитывающие чьи-то последние минуты. Завеса раздвинулась сама собой — или её отодвинула невидимая рука — и в комнату медленно вошла фигура.

Старая. Седая. Скрученная, как высохший корень, выдернутый из болотной трясины.

Время и, возможно, другие, более тёмные силы, сыграли с Кану Рептилий свою жестокую роль. Некогда прочная, как броня крокодила, кожа обвисла, потеряв былую эластичность. Тусклый зелёный цвет выпвел до серо-болотного оттенка — такого же унылого, как и само это место. Глубокие морщины избороздили лицо, превратив его в подобие старой, растрескавшейся земли.

Она опиралась на суковатую палку, выточенную из такого старого дерева, что на ней уже не осталось ни коры, ни единого живого места. Просто кость. Древесная кость.

Она подняла на меня свои глаза.

Вертикальные. Жёлтые. С узкими, как щели, зрачками.

В них, казалось, отражалась вся мудрость и вся скорбь этого топкого места. Вся его древняя, неторопливая злоба. И что-то ещё. Что-то, что мне совсем не понравилось.

— А-а-а... — протянула Кану вальяжно, и в этом протяжном звуке слышалась смесь древнего любопытства и неоспоримой, ничем не прикрытой силы. — Сам Азазель, хозяин некрофагов, повелитель мёртвых легионов, посетил меня... в моей скромной обители. Какая честь.

Она усмехнулась — одними уголками тонких, почти невидимых губ. В этой усмешке не было ни страха, ни подобострастия.

Медленно — так движется вековая черепаха, или крокодил, греющийся на солнце, — она подошла к ветхому, но внушительному креслу. Оно скрипнуло под её весом, но не жалобно — скорее приветственно, как старый друг, узнавший хозяина. Кану опустилась в него, и дерево застонало, принимая знакомую тяжесть.

Из кармана своего тускло-зелёного одеяния — когда-то, возможно, роскошного, а теперь выцветшего до цвета болотной тины — она извлекла курительную трубку. Длинную, изогнутую, вырезанную из кости какого-то крупного зверя. Глазницами в мундштук были вставлены два крошечных янтаря.

Она ловко прикурила её от пламени моей свечи — не протягивая трубку, а просто поднеся её к огню и втянув воздух. Угольки внутри заплясали, и комнату наполнил густой, терпкий запах — что-то между болотными травами и древней, выветренной магией.

Густое кольцо дыма, искусно выпущенное в воздух, медленно поплыло к потолку, растворяясь в паутине. Оно стало её первым ответом — многозначительным, как молчание.

Затем Кану жестом — указала мне на кушетку напротив своего стола. Обтянутую когда-то тёмной тканью, а теперь — покрытую пятнами неизвестного происхождения и мхом, проросшим прямо сквозь обивку.

Я заворуженно смотрел на эту картину. В ней было что-то гипнотическое — в этом сочетании древности, увядания и той странной, почти пугающей грации, с которой Кану двигалась в своём царстве гниения.

Я не сразу смог прийти в себя.

Наконец, я удобно уселся напротив. Широко расставил ноги, закинул одну на другую — поза, призванная продемонстрировать уверенность, которой я на самом деле не чувствовал. Пальцы сложил в замысловатый «домик», уперев локти в подлокотники кушетки. Приготовился к беседе.

— Знаешь меня? — спросил я, вглядываясь в её жёлтые, вертикальные глаза. Мне нужно было понять, насколько глубоко мои деяния проникли в этот забытый уголок мира. Знает ли она только имя — или всё, от начала до конца?

— Кто ж тебя не знает... — очередное дымное кольцо, идеально ровное, растворяющееся в воздухе, прежде чем достичь моего лица. — Уничтожил добрые две трети зарождённых своими мертвяками. Выжег целые анклавы. Сжёг дотла три города, которые стояли по тысяче лет. И теперь... теперь ты пришёл ко мне.

Она затянулась снова, и дым пополз из её ноздрей, как пар из ноздрей спящего дракона.

Моё тело мгновенно напряглось. Внутри что-то щёлкнуло — предохранитель, удерживающий ярость, лопнул. Я подался вперёд, не в силах сдержать праведный гнев, годами копившийся в моей груди.

— А ты спрашивала себя — почему? — мой голос зазвучал низко, почти рычаще. — Ты хоть раз задумывалась, почему мёртвые армии пошли на ваш род?! Это вы, пресмыкающиеся, первые начали! Не угодил вам, видите ли, великий народ Каина! Чем мы вам помешали? Тем, что жили? Дышали? Существовали?!

Я видел, как на скулах Кану дёрнулась мышца — единственный признак того, что мои слова задели её. Но она молчала. И это молчание было хуже любых возражений.

— Вы просто устроили бойню! — продолжил я, чувствуя, как голос срывается на крик, но уже не в силах остановиться. — Охоту на нас! Как на диких зверей! И всё это — под предводительством вашей возлюбленной Старейшины Арии! Она начала эту войну! Она отдала приказ! А мы лишь защищались. Но виноваты, конечно, мы, да? Потому что выжили. Потому что посмели дать сдачи.

Я замолчал. Тяжело дышал, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. Пальцы впились в подлокотники кушетки.

Кану выдержала паузу. Медленно, очень медленно выпустила очередное дымное кольцо — оно проплыло между нами, как граница, как напоминание о том, кто здесь на самом деле задаёт тон.

— Ты пришёл обсудить со мной войну? — спросила она, ничуть не изменив тона. Её голос оставался ровным, спокойным, словно мои слова были лишь фоновым шумом — шорохом дождя за окном или треском веток в остывающем костре.

Я тяжело вздохнул. Выдохнул гнев — не весь, но хотя бы столько, чтобы говорить внятно.

— Нет, — сказал я, чувствуя, как тяжесть невысказанных вопросов давит на плечи. — Пришёл узнать... Вы, зоорожденные, ваша жизнь куда длиннее, чем у Каинов. Но я знаю, что раньше ты дружила с советником нашего рода... Гнетош был твоим... гостем? Или кем-то большим?

Я заметил, как при имени Гнетоша её пальцы, сжимавшие трубку, дрогнули. Совсем чуть-чуть. Но я видел.

— Мне бы сейчас оченьгодились его знания, — закончил я мягче.

Кану кивнула. Движение было медленным, но уверенным — как у вековой рептилии, которая не тратит энергию на лишние жесты.

— Гнетош был мудр, — сказала она, и в её голосе впервые прозвучало что-то тёплое. Что-то похожее на... печаль? — Он был праведен. И честен. Даже с теми, кто этого не заслуживал. Мы... да, мы были близки. Долгое время. Он делился со мной знаниями о вашем роде. О его тайнах. И о его проклятиях.

— Он наверняка делился с тобой... знаниями о странностях, — я заставил себя говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. — О том, что не вписывается в обычные законы нашего вида. О том, что случается... редко.

Кану склонила голову набок. Её жёлтые глаза сузились.

— Что ты хочешь знать, Азазель? — спросила она, и в её голосе появилась напряжённость, которой не было раньше. Она почувствовала. Она уже знала, о чём пойдёт речь, но хотела услышать это от меня.

Я не стал тянуть.

Резким движением задрал рукав своего плаща — алая ткань скользнула вверх, обнажая запястье. Там, на бледной коже, чернела таинственная метка. Рваная дыра. Пульсирующее пятно тьмы, которое не исчезало уже больше года.

Кану нахмурилась. Её жёлтые глаза сузились до предела, вертикальные зрачки расширились, вбирая в себя свет. Она подалась вперёд — и вдруг, с небывалой для её возраста силой, схватила мою руку.

Её пальцы — толстые, покрытые тусклой чешуёй, с длинными жёлтыми когтями — впились в мою кожу, не больно, но уверенно. Она повертела предплечье из стороны в сторону, склонив голову то влево, то вправо, словно пыталась разглядеть что-то невидимое глазу. Что-то, что пряталось под поверхностью.

— А-а-а... — выдохнула она наконец. Этот выдох был долгим, почти благоговейным. — Не думала, что встречу такое на своём веку. Думала, эти истории — лишь легенды, которыми старухи пугают детёнышей.

Она отпустила мою руку — резко, как отпускают ядовитую змею, когда поняли, что она не опасна, если не трогать. И снова погрузилась в кресло, откинув голову на высокую спинку.

— Судьбоносная встреча, — добавила она, глядя куда-то в потолок. — Два предрёченных. И один из них — ты. Кто бы мог подумать.

— Что?! — вырвалось у меня. Громче, чем я хотел. Я прижал запястье к груди, чувствуя, как кожа под меткой покалывает, словно иголками. — Что значит «судьбоносная»? Говори прямо!

— Давно она у тебя? — спросила Кану, не обращая внимания на мой тон. Она снова поднесла трубку к губам, сделала короткую затяжку, выпустила тонкую струйку дыма.

— Больше года, — ответил я. Слова давались с трудом. Каждый раз, когда я вспоминал ту ночь, запястье начинало болеть сильнее.

— А появилась после... — она выдохнула дымное кольцо. Оно медленно, очень медленно, расплылось в воздухе, приняв форму, похожую на... лицо? Нет. Померещилось.

— После атаки зарожждённых на мой замок, — я поморщился, прогоняя воспоминания. Тот хаос. Крики умирающих слуг. Пламя, лижущее стены. — Но с ними была одна из нашего вида... Я не видел её раньше. Никогда. Она хотела меня убить.

Я саркастически хмыкнул, вспоминая эту сцену. Маленькая, хрупкая фигурка, идущая на меня сквозь ряды некрофагов, которые почему-то не могли её остановить.

— Пошла на меня с голыми руками, — продолжил я. — Ни меча, ни кинжала, ни даже камня. Просто... руки. Я даже растерялся. Обычно зооруженные хоть какое-то оружие берут. А эта — нет. Пересекла тронный зал, не обращая внимания на моих солдат, подошла вплотную... и коснулась моего лица.

Я замолчал. В горле пересохло.

— Дальше — тьма, — закончил я тихо. — И я её больше не видел. Очнулся — а на запястье это. И боль. Постоянная боль, которая не уходит.

Кану кивнула. На этот раз — медленно, с явным удовлетворением.

— Всё подтверждается, — сказала она. — Легенда. Древняя, почти забытая. Но живая.

— Что означает эта метка? — я наконец задал главный вопрос. Тот, ради которого пришёл. Тот, который мучил меня каждую ночь, каждый час, каждую минуту последних двенадцати месяцев.

В её жёлтых глазах блеснула искра. Знания. Или, может быть, предвкушения.

— Чёрная метка, — начала она, и её голос изменился. Стал ниже, проникновеннее — не просто голосом старой женщины, но голосом древних болот, голосом той силы, что текла в её жилах. — Редчайшее знамение среди народа Каинов. Проявляется лишь в одном случае — в момент столкновения двух «предрёченных».

— Предрёченных? — переспросил я. Слово обожгло язык.

— Это не просто символ, — продолжала Кану, не обращая внимания на мой вопрос. — Это незримая нить, связующая судьбы. Навеки. Тысячи лет Каины рождаются, живут и умирают, не встретив свою вторую половину. А если встречаются... — она сделала паузу, затаилась, выпустила дым сквозь ноздри. — Это дар и проклятие в одном флаконе. Безграничные возможности — или неминуемая гибель.

— Я... — я хотел спросить что-то, но Кану остановила меня взмахом костлявой руки.

— Не перебивай, — сказала она спокойно, но в этом спокойствии было железо. — Попытка противиться этой связи приносит невыносимую муку. Тело слабеет. Воля угасает, словно последние искры жизни гаснут в душе. Ты чувствуешь это, Азазель? Усталость? Боль? Ощущение, что силы уходят, хотя ты не сделал ничего необычного?

Я не ответил. Но она и так знала ответ.

— Но, если предрёченные принимают свою участь, — её голос стал тише, почти шёпотом, — их силы возрастают многократно. Они становятся единым целым. Им открываются древние энергии, недоступные никому другому.

— Звучит как сказка, — прохрипел я.

— Сказка, в которую ты теперь вписан, — парировала Кану. — Однако цена такой связи... высока. Смерть одного из связанных навсегда обрекает другого. Не сразу, нет. Это медленное, мучительное угасание. С каждым прожитым днём уходящая жизнь партнёра отнимает часть его собственной.

Она замолчала, давая мне время осознать.

— Этот процесс неумолим, — добавила она, вглядываясь в моё лицо. — И, насколько я знаю, максимальная зафиксированная продолжительность жизни одного из предрёченных после кончины его спутника составляла... два года. Два коротких года боли и медленного распада. А затем — забвение.

В комнате повисла тишина. Даже свеча, казалось, перестала потрескивать.

— Я... я не понял! — вырвалось у меня наконец. Голос звучал чуждо, срывался. — Я что, как-то связан с той девкой? С той, что пыталась меня убить?! И о какой «участи» ты говоришь?

— Ваши судьбы тесно связаны теперь, Азазель, — Кану не повышала голоса, но каждое слово врезалось в память. — Разыщи девушку. И сам всё поймёшь.

— Она может быть уже мертва, — слова повисли в воздухе, тяжёлые, как каменные плиты. — Год прошёл. Её могли убить. Мои же некрофаги. Или свои. Или... я не знаю. Война. Хаос. Она могла погибнуть в тот же день.

— Тогда и ты обречён, — ответила Кану просто. Её взгляд не дрогнул.

— А разорвать? — я ухватился за последнюю надежду, как утопающий за соломинку. — Разорвать эту связь можно? Есть способ? Ритуал? Жертва? Что угодно!

— Связь нерушима, — прозвучал её приговор. Холодный. Беспощадный. — Ни один известный мне ритуал не способен её разорвать. Даже смерть, как ты уже понял, не освобождает, а лишь продлевает агонию.

— И что мне делать? — спросил я почти шёпотом. — Если она мертва, то и мне осталось... меньше года, судя по твоим словам. А если жива... что тогда?

— Если жива, — Кану наклонилась вперёд, и её жёлтые глаза оказались совсем близко, — то с ней ты встанешь на тропу своей судьбы. Настоящей судьбы, а не той, которую сам себе придумал.

— Я знаю свою судьбу! — я ударил кулаком по столешнице. Скланки на полках жалобно звякнули, свеча подпрыгнула, едва не погаснув. — Моя судьба — отомстить за свой народ! Сравнять зооруженных с землёй! Сжечь их города, выжечь их леса, отравить их реки, чтобы даже память о них не осталась!

Кану откинулась на спинку кресла и медленно, очень медленно выпустила последнее дымное кольцо — самое большое, самое ровное из всех.

— Всё в руках богов, Азазель, — сказала она, и её взгляд устремился куда-то за пределы комнаты — в туман, в болото, в вечность. — А теперь... ступай. Ты получил то, за чем пришёл. Большого я тебе не дам.

Я поднялся. Ноги плохо слушались. Голова шла кругом.

— Спасибо... за информацию, — выдавил я, сам не зная, зачем благодарю ту, что только что вынесла мне приговор.

Кану не ответила. Протянула руку, взяла со стола потухший огарок свечи, заменила его новым — и мир вокруг неё перестал существовать для меня.

Я покинул её обитель, окутанный мрачными мыслями, тяжёлыми, как болотная грязь под ногами.

«Метка предреченных», — крутилось в голове. — «Предрёченные. Нерушимая связь».

Эта новость была хуже любого проклятия. Хуже войны. Хуже смерти. Связанный с какой-то девкой, о которой я ничего не знал — даже имени? Нет, имени не знал. Только лицо, мелькнувшее перед глазами в тот последний миг перед тьмой.

Это казалось насмешкой судьбы. Жестокой, изощрённой насмешкой.

Моя месть. Мой гнев. Мои годы планирования, строительства армии, уничтожения врагов — всё могло оказаться напрасным. Если эта связь действительно предопределяла мой конец. Если та девчонка уже мертва и моя песня спета.

В замок я вернулся подавленный.

Мрачная атмосфера, царившая в его стенах, отражала моё собственное состояние — тяжёлое, как свинцовые тучи перед грозой. Коридоры, обычно освещённые тёплым, живым светом факелов, сегодня казались тусклыми, словно само пламя не решалось гореть в моём присутствии. Тени стучались по углам, длинные и косые, и в них мне чудились лица — те, кого я потерял, те, кого не смог уберечь.

Замок, словно живой организм, был напрямую связан со мной. Древняя магия скрепила нас в тот самый день, когда я взойшёл на трон, — моя кровь пропитала камни, и они ответили, приняв меня в свою вечную плоть. Вся сущность этой твердыни зависела от моей воли. В этом заключалось множество преимуществ: стоило мне лишь подумать, как двери сами распахивались, стулья пододвигались, а огонь в камине зажигался и гас по моему велению.

Но сегодня даже эта связь казалась мне проклятием. Потому что замок чувствовал мою слабость. И отвечал тем же.

Я вошёл в столовую, где уже был накрыт горячий обед.

Длинный дубовый стол, отполированный до блеска сотнями рук, ломился от яств: запечённая дичь с травами, свежий хлеб, овощи, мед в сотах, фрукты — целое изобилие, предназначенное для короля. Но всё это выглядело чужим, ненастоящим.

Моя личная стража состояла из некрофагов — верных, безмолвных, не ведающих усталости. Но обычные служители замка были низшими из Каинов, лишёнными особых сил. Из-за нескончаемой войны с зоорожденными наши потомки рождались всё чаще без дара, без искры, без того священного огня, что веками горел в крови нашего народа.

Я помнил времена, когда каждый Каин мог свернуть горы одним желанием. Когда наши маги наполняли небо таким сиянием, что враги падали ниц, ослеплённые одной только нашей славой. Теперь же... теперь мы доживали. Вырождались. Умирали медленно, по капле, теряя самое ценное, что у нас было.

Поэтому, в своё время, меня и провозгласили королём. Среди ныне живущих не было равных мне по силе и способностям. Я был последним из великих. И эта ноша давила сильнее любой короны.

Я опустил в кресло. Оно тут же подстроилось под моё тело, принимая идеальную форму, — спинка прогнулась там, где нужно, подлокотники поднялись, чтобы поддержать уставшие руки. Даже камни замка пытались меня утешить. Но это было бесполезно.

Холодный фарфор тарелок и серебро столовых приборов казались чужими, неодушевлёнными. Ложка, как по волшебству, подняла кусок дичи — пар над мясом ещё поднимался, аромат щекотал ноздри. Но я лишь отодвинул её. Аппетита не было.

Мысли роились в голове, одна мрачнее другой.

Неужели это конец? Неужели все мои старания, вся моя сила, все мои мечты о возрождении народа Каина обречены на забвение? Я строил империю на костях врагов, я вкладывал душу в каждое решение, я спал по три часа в сутки, чтобы выкроить время для изучения древних свитков и поисков утерянных ритуалов. И всё это — чтобы умереть из-за какой-то девчонки, которая коснулась моего лица год назад?

Война с зоорожденными забрала у нас слишком многое. Не только жизни — жизни были расходным материалом. Но то, что для нас было превыше всего, — силу. Она текла в наших жилах, как сама жизнь, делала нас теми, кем мы были. И теперь эта кровь становилась всё более бледной, всё более слабой.

Я чувствовал это на себе. Чувствовал, как моя собственная сила медленно, но верно ускользает, словно песок сквозь пальцы. Раньше я мог зажечь огонь одним взглядом. Теперь — только щелчком пальцев. Раньше я чувствовал каждого некрофага в радиусе сотни лиг. Теперь их присутствие ощущалось лишь как смутная вибрация где-то на границе сознания.

Быть королём — это не только власть, но и ответственность. И я чувствовал, что не справляюсь.

Я вспомнил первые годы своего правления.

Тогда я был полон решимости, полон огня. Я верил — нет, я был свято убеждён, — что смогу повернуть ход истории, вернуть народу Каина его былую славу. Я тренировался день и ночь, оттачивая свои способности, изучая древние трактаты, ища пути к возрождению. Мои мышцы помнили каждую схватку, мои лёгкие — каждый крик победы.

И казалось, что у меня получалось.

Наши земли процветали. Враги отступали. В глазах моего народа вновь зажигался огонёк надежды — тусклый сначала, едва заметный, но с каждым годом всё ярче. Мне рукоплескали. Меня боготворили. В меня верили.

Но теперь... теперь надежда угасала вместе со мной.

Я видел, как мои подданные смотрят на меня с беспокойством, с растущим страхом. Они видят, что их король слабеет, и это порождает в них лишь отчаяние. Как я могу вести их за собой, если сам иду ко дну? Моя сила — это их сила, моя вера — их вера. И если я потеряю одно, то потеряю и другое.

Я встал, подошёл к окну.

Оттуда открывался вид на моё королевство — серое, унылое, подёрнутое вечерней дымкой. Далёкие огни деревень мерцали, как умирающие звёзды. Леса чернели зубчатыми стенами. Река, извиваясь, уходила к горизонту, теряясь в тумане.

В эти минуты оно казалось мне таким хрупким. Таким беззащитным. Стекланный шар, который один неверный шаг мог превратить в осколки.

Внезапно дверь в столовую распахнулась.

Я даже не вздрогнул — я чувствовал его за секунду до того, как он появился. Запах трав и старой кожи. Лёгкое, почти неслышное дыхание. Шелест длинных одежд.

Вошедший был моим главным советником и лучшим другом — Зик.

Худой и высокий, с кожей темно-зелёного оттенка, которая на свету отливала болотным золотом. Длинные серые волосы, собранные в низкий хвост, падали на плечи, обрамляли острое, почти хищное лицо с высокими скулами и глубоко посаженными тёмно-зелёными глазами. Он двигался бесшумно — дар нашего народа, позволявший ему сливаться с тенями так, что даже я иногда терял его из виду.

— Вернулся? — спросил он, проскользнув по залу и усевшись за стол. Его пальцы, длинные и тонкие, с лёгкостью пианиста, запустили в корзину с фруктами, извлекли сочную вишню. Он отправил её в рот, с хрустом раздавив зубами.

— Вернулся, — мой голос звучал глухо, будто из-под воды.

— Судя по всему, новости неутешительные? — Зик не смотрел на меня. Он, казалось, видел мою подавленность, мою внутреннюю борьбу, даже не поднимая глаз. Вишнёвая косточка аккуратно легла на край тарелки.

Я повернулся к нему. Взглянул в эти тёмно-зелёные глаза — острые, внимательные, всегда оценивающие.

— Судя по всему, осталось мне недолго, — сказал я, и слова прозвучали как приговор, вынесенный самому себе.

Зик откинулся на спинку стула. Скрестил руки на груди. Его лицо, обычно спокойное и невозмутимое, исказила гримаса раздражения.

— Это тебе Кану-крокодила сказала? — в его голосе зазвенел металл. — Не слушай ты эту старую каргу! Я давно говорил — нужно искать нормального целителя. А от зоорожденных и их пророчеств никогда не было никакого толку. Только смута и паника.

Я сел за стол напротив него. Слегка наклонился вперёд, понижая голос — так, чтобы даже стены не услышали.

— Зик, — сказал я тихо, — мне нужна будет твоя помощь.

Он замер. Весь его расслабленный, слегка надменный вид исчез в одно мгновение. Он выпрямился, подался ко мне, и в его глазах загорелся тот самый хищный огонь, который я так хорошо знал.

— Ты же знаешь, Азазель, — его голос стал твёрдым, решительным, без тени прежней легкомысленности. — Я всё что угодно. Приказывай.

В эту секунду дверь снова распахнулась — и в комнату вошла Лириэль.

Воздух в столовой мгновенно изменился. Стал слаще, легче, будто кто-то распылил цветочные духи. Её длинные розовые волосы, струящиеся до самых босых лодыжек, мягко колыхались при каждом шаге. Кожа сияла серебристым отблеском.

На ней было лёгкое, полупрозрачное платье, соблазнительно облегающее стройное тело. Слишком откровенное для совета. Слишком манящее для простого разговора. Но Лириэль всегда знала, что делает. И всегда знала, какую силу имеет над мужчинами.

Она подняла густые розовые ресницы. Её глаза — цвета утреннего неба, ясные и глубокие — встретились с моими.

— Мой господин желал меня видеть? — спросила она, и в её голосе не было ни робости, ни подобострастия. Только спокойная уверенность женщины, знающей своё место и свою цену.

— Лириэль, да. Присаживайся, — я указал на стул.

В ту же секунду Зик подскочил со своего места. Слишком быстро. Слишком предупредительно. Он обогнул стол, отодвинул стул для Лириэль — плавным, галантным жестом, который плохо вязался с его обычной грубоватой манерой.

— Спасибо, Зик, — она одарила его нежной, почти материнской улыбкой. Но тут же потеряла к нему всякий интерес, сосредоточившись на мне, как луч света, собранный в одну точку.

Я вопросительно посмотрел на друга, когда тот сел на своё место. Он сделал вид, что ничего не происходит — уставился в тарелку, нахмурился, будто решал сложную математическую задачу. Я промолчал. Не время и не место.

— Эм, да... — начал я, чувствуя, как слова вязнут в горле. Встал из-за стола, повернулся к окну, вглядываясь в сумерки, сгущавшиеся над моими землями. — То, о чём я хочу вас попросить, опасно. Смертельно опасно. И... — я сделал паузу, собираясь с мыслями. — Но тут речь пойдёт о моей жизни. И я никому не могу доверять так, как вам.

— Азазель... — не выдержал Зик. — Говори уже прямо. Мы не дети, чтобы ходить вокруг да около.

Я обернулся. Посмотрел на них обоих — на Зика, моего брата по оружию, и на Лириэль, ту, кто делила со мной постель и, возможно, больше, чем постель. Два человека, которым я верил. Единственные.

— Мне нужно, чтобы вы проникли в Арканум, — сказал я. — И разузнали всё о той девчонке, что была среди нападающих.

— Что?! — в один голос воскликнули Зик и Лириэль.

Я вернулся к столу, сел на край, скрестив руки на груди.

— С помощью своих способностей, ты, Зик, сможешь перевоплотить вас обоих в зооруженных. Идеально. До последней клетки. До запаха. Вы беспрепятственно проникнете в Арканум. А если что-то пойдёт не так, — я перевёл взгляд на Лириэль, — ты сможешь без лишнего шума усыпить тех, кто вас раскроет. Твоя магия сна не знает равных.

Лириэль кивнула, её лицо оставалось спокойным, но я видел, как побелели её пальцы, сжимавшие край платья.

— Но... что конкретно ты хочешь узнать, господин? — спросила она, и её голос был полон внимания, почти благоговейного.

— Всё, что сможете, — ответил я. — В первую очередь — жива она или нет.

— А если жива? — спросил Зик, подавшись вперёд.

— Приведите её ко мне, — сказал я. В этих словах не было просьбы. Только приказ. Холодный, беспрекословный.

— Мы не знаем её имени, — возразил Зик, и его лоб наморщился от сосредоточенности. — И даже внешность никто, кроме тебя, не видел. Как мы её искать будем? Вслепую?

Я закрыл глаза.

Вдохнул.

Выдохнул.

И позволил себе вспомнить.

Её призыв тут же возник у входа в столовую.

Невысокая девушка. Короткие фиолетовые волосы — небрежно остриженные, словно ей было всё равно, как они выглядят. Бледная кожа, почти прозрачная, с синеватыми прожилками на висках. Обычная одежда — тёмная, практичная, без украшений. Ничего особенного. Ничего, что выдавало бы в ней убийцу.

Но она шла уверенно. Без страха. Без колебаний.

Она пересекла зал, не обращая внимания на некрофагов, замерших по углам. На меня. На пламя, пляшущее в камине.

Она остановилась в двух шагах.

Подняла руки.

Взяла моё лицо в свои ладони — холодные, чуть влажные, пульсирующие той странной энергией, которую я не мог распознать.

Я остановил призрак. Она застыла на месте — живая картина, замерший миг.

Взгляд её ярко-жёлтых глаз — цвета расплавленного янтаря — устремился на меня. Полный невыносимой боли. И презрения. И чего-то ещё... чего-то, что я не мог прочитать. Усталости? Обречённости?

Секунду спустя я отпрянул. Разорвал видение. Призрак растаял в воздухе, оставив после себя лишь холодок на затылке.

Тяжело дыша, я повернулся к столу.

— Вот, как она выглядит, — произнёс я, обращаясь к Зику и Лириэль.

В столовой повисла тишина.

Зик поднялся. Медленно, осторожно обошёл то место, где только что стоял призрак, изучая пустое пространство с явным, почти научным любопытством.

— И правда... не зоождённая, — сказал он наконец. — Похоже, из наших. Но... странная. Я никогда не видел таких жёлтых глаз у Каинов. И фиолетовые волосы... редкость. Очень большая редкость.

— Что это меняет? — спросил я.

— Ничего, — Зик пожал плечами и вернулся на своё место. — В общем, всё понятно. Кроме одного: зачем она тебе?

Я посмотрел на своё запястье. Метка под тканью рукава запульсировала, словно живая, напоминая о себе. О том, что время уходит. О том, что песок сыплется сквозь пальцы.

— Кану-крокодила сказала, что чёрная метка, — я оголил запястье, и в тусклом свете столовой метка задвигалась, закружилась, поглощая свет, становясь глубже, чернее, живее, — может быть связана с этой девчонкой.

— Как именно? — голос Зика стал тише.

Я встретил его взгляд.

— Это мы и узнаем, — сказал я. — Когда вы привезёте её сюда. Или... когда вы привезёте весть о её смерти. В любом случае, я должен знать правду.

Зик и Лириэль переглянулись.

— Когда нам выдвигаться? — спросил он.

— Когда будете готовы.

Зик оскалился. В его глазах блеснул тот самый хищный огонь, который я так хорошо знал — огонь охотника, почуявшего добычу.

— Ночь сегодня ясная, — сказал он, и в его голосе зазвучала песня, которую я слышал сотни раз перед началом опасных заданий. — Как раз для охоты.

Я кивнул.

— Тогда не теряйте времени.

Они оба поднялись. Лириэль задержалась на секунду, посмотрела на меня с чем-то, что я не смог прочитать — тревогой? Сожалением? — но ничего не сказала. Развернулась и вышла вслед за Зиком.

Дверь за ними закрылась.

Я остался один.

Подошёл к окну. Сумерки сгустились окончательно, превратив мой горизонт в чёрное, непроглядное полотно, усеянное редкими, дрожащими огнями.

— Держись, — прошептал я в темноту. — Кто бы ты ни была. Держись.

Запястье пульсировало в такт сердцу. Или её сердцу? Я уже не различал.

Глава 3.

Я шагнула в оранжерею, погружаясь в мир буйной зелени и экзотических ароматов. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь стеклянный купол, создавали мириады бликов, играющих на влажных листьях и лепестках. Воздух здесь был густым и тёплым, наполненным запахами земли, влаги и сладким, дурманящим ароматом неизвестных мне цветов. Я петляла между раскидистыми пальмами, чьи листья касались моего лица, и кустами с цветами. Прозрачные стены кабинета растворяли границы между природой и цивилизацией, позволяя солнечным лучам заливать пространство. За массивным, тёмным дубовым столом, в глубоком, мягком кресле, сидела Старейшая Ария. Когда я вошла, она подняла на меня взгляд, и на её лице появилась слабая, тёплая улыбка

- Фрида! Выглядишь уже лучше — её голос, несмотря на усталость, звучал мягко и успокаивающе. - ... но честно сказать ожидала, что ты появишься тут много раньше... - она указала на мягкое, удобное кресло напротив ее стола

Я послушно села, ощущая, как приятная мягкость кресла окутывает меня. - Мне нужно было время прийти в себя –

- Я понимаю... - подойдя к угловому столику, она взяла дымящийся чайник и разлила ароматный напиток по изящным кружкам. Пар, поднимающийся от чая, нёс с собой успокаивающие нотки трав. – Как твоё сердце? –

- По-прежнему молчит... — ответила я, чувствуя, как знакомая боль снова пронзает грудь, напоминая о пустоте, которая должна была быть заполнена.

- Всему своё время, дорогая – кружка с ароматным чаем уже стояла напротив меня, когда Старейшая снова водрузилась на своё место.

Молчание, повисшее в воздухе, начинало тяготить. Я взяла кружку, ощущая приятное тепло, исходящее от неё, и сделала большой глоток горячего напитка, который, казалось, должен был согреть меня изнутри, но холод, поселившийся в душе, оставался неприступным.

- Дитя... — начала Старейшая, её голос звучал мягче обычного.

- Я знаю, что Вы скажете, Ария... - я перебила её, чувствуя, как нарастает внутреннее напряжение. -... Но прежде, чем Вы начнёте меня убеждать повторить попытку... я хотела узнать, чего стоило меня воскресить? –

Старейшая тяжело вздохнула, её взгляд на мгновение стал ещё более усталым. Медленно поднесла кружку к губам, но пить не стала, словно слова, которые ей предстояло произнести, были слишком горькими.

- Фрида, твой дар... -

- Это не дар! — выпалила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от знакомого раздражения.

- Хорошо ... — она кивнула, зная, что спорить со мной на эту тему бесполезно. – твои способности... только они помогут нам выиграть эту неравную битву...-

- Не заговаривайте мне зубы ... и отвечайте на вопрос ... — я настаивала, чувствуя, что правда, какой бы горькой она ни была, предпочтительнее туманных рассуждений.

Старейшая всё же сделала глоток чая и поставила кружку: - Чтобы оживить тебя, Фрида, потребовалось немало сил. Пришлось обратиться к древней магии. Но за жизнью неизменно следует смерть... И ради твоего воскрешения, ради общего дела, приходится чем-то жертвовать...-

- Например жизнью соплеменников?! — мой голос сорвался на крик, и я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

Старейшая поплотнее закуталась в шаль, будто это могло спасти её от этой неприятной беседы, от моего праведного гнева.

- Когда я впервые нашла тебя, Фрида... Ты была маленьким, напуганным комочком... Но твоя сила, даже тогда, была невероятно велика. Несмотря на то, что ты была младенцем, ты уже отнимала жизни у всех, стоило им лишь прикоснуться к тебе. Твой народ испугался таких способностей и вышвырнул тебя умирать... А я сразу поняла, что тебе предстоит совершать великие дела. И раз Боги позволили вернуть тебя, свою миссию ты ещё не исполнила-

Я уже не первый раз слышала эту историю о том, как Старейшая Ария нашла меня. И давно перестала сожалеть или удивляться. Слова её были лишь отголосками прошлого, которое я не могла изменить.

- Почему не сработало... почему Азазель жив?- — мой голос дрожал от переполнявших меня чувств — отчаяния, злости, горечи.

- Возможно, он сумел как-то отразить твою силу. Нам не известно, насколько он могущественен. - Старейшая Ария медленно поднесла кружку к губам, но её взгляд был прикован ко мне, словно она пыталась прочесть мои мысли. - Одно я знаю наверняка: сейчас он уязвим как никогда, и вторая попытка принесёт желанный результат. - Старейшая говорила ровно, но в её глазах я видела отблески вновь разгоревшейся надежды.

- А кто убил меня? — этот вопрос вырвался сам собой, мучительная загадка, которая не давала мне покоя.

- Убил? Нет, милая, я не думаю, что это было прямое убийство - Старейшая поставила кружку на стол с лёгким стуком. — Думаю, столкнувшись с силой, которую ты воплощаешь, ты просто... истопилась. Ты отдала слишком много. Но больше такой ошибки мы не допустим. На этот раз мы будем осторожнее. Мы будем действовать наверняка. - Её слова звучали успокаивающе, но в них была и нотка чего-то зловещего.

Я машинально подняла руку к груди, к тому месту, где в прошлый раз нащупала зияющую дыру от кинжала, почти у самого сердца. Но предпочла не развивать эту тему. Очевидно, Старейшая не знала всех подробностей моей смерти, или же намеренно умалчивала. Прошлая жизнь, прежняя я... казалось, будто это было в другой реальности.

- И...какой у нас план? —

- Вот! Узнаю свою девочку! — Старейшая мгновенно оживилась, в её усталых глазах зажёгся огонёк. — Мы потратили много сил, Фрида. Потеряли бесценных зоорожденных в той атаке на замок Азазеля. Это стало уроком. Тактика блицкрига оказалась для нас слишком рискованной. Думаю, в этот раз нам следует действовать хитрее. Выманить его из его крепости, заставить выйти на открытое пространство, где наши силы окажутся преобладающими. И тогда... довершить дело.-

- А... а просто поговорить с ним нельзя? — я не могла удержаться от этого вопроса, хоть и знала ответ. — Примирился? Может, есть другой путь?

- Эх, Фрида, ты же знаешь, — Старейшая вздохнула, и её плечи поникли. - Я много раз пыталась. Но он... он — это воплощение древнего зла, ненавидящего наш вид всем своим существом. Его сердце — камень. Боюсь, устранить его — это единственный путь. Единственный путь к жизни без страха, к будущему для нашего народа. -

Я откинулась в мягком кресле, задрав голову вверх. Первые лучи восходящего солнца пробивались сквозь стеклянный купол оранжереи, окрашивая зелень в нежные золотистые тона. День, прожитый мной, казалось, уже длился вечность.

- Этот день уже слишком затянулся, я пойду спать ... , — произнесла я, чувствуя, как каждая клеточка моего тела требует отдыха.

- Восстанавливай силы дорогая, скоро они нам пригодятся —

Я кивнула, чувствуя, как последние остатки сил покидают меня. Поднявшись с места, я вышла из кабинета Старейшей, погружаясь обратно в зелёный лабиринт оранжереи. Решение о возвращении в свою комнату и отдыхе пришло само собой. В голове уже начал вырисовываться план, который лучше всего было бы обдумать на свежую голову, когда усталость не будет затуманивать рассудок. Путь к комнате казался бесконечным, но я знала — отдых приблизит меня к истине, к разрешению всех загадок, которые витали в воздухе, словно аромат непривычных цветов.

Столовая, как обычно в это время, наполнилась шумным гамом зоорожденных. Воздух был густым от запаха свежего хлеба, жареного мяса, травяных отваров и ещё чего-то неуловимого — той особой, домашней теплоты, что царила здесь каждое утро, когда племена собирались вместе перед началом нового дня.

Все суетились, накладывая себе завтрак: кто-то тянулся через весь стол за кувшином с соком, кто-то с шутками перебрасывался кусочками хлеба, кто-то громко рассказывал соседу историю о вчерашней вылазке. Дети носились между ногами взрослых, визжа и хохоча.

Среди этого утреннего веселья и непрерывного гула лишь Бастит сидела словно чёрная туча, отгородившись от всех своей мрачной отрешённостью.

Она не притронулась к еде, хотя перед ней стояла полная тарелка — кто-то из друзей поставил, не спрашивая, по привычке. Горячий пар поднимался над кашей, мясо аппетитно румянилось, но Бастит смотрела сквозь всё это, в какую-то одну ей известную точку на противоположной стене. Пальцы её были сцеплены в замок, плечи напряжены, а челюсть сжата так сильно, что на скулах выступили желваки.

— Ты опять не ешь, — раздался звонкий голос над ухом.

Бастит не вздрогнула. Она уже знала, кто это.

Кану Орлицы — Юи, и Кану Лисы — Шайни, подошли к ней и сели за стол, буквально втиснувшись по бокам. Юи бесцеремонно отодвинула тарелку, стоявшую перед Бастит, и поставила на её место дымящийся завтрак — свежеприготовленный, специально для подруги. Шайни тем временем разливала чай по трём глиняным кружкам, ловко орудуя заварочным чайником.

— Мы тут волнуемся, а ты сидишь, как каменное изваяние, — продолжила Юи, пододвигая к Бастит миску с тушёными овощами. — Надо есть, силы нужны.

— Мне не до еды, — буркнула Бастит, даже не взглянув на подношение.

Девушки переглянулись, но не стали спорить. Они привыкли к её мрачности — Бастит всегда была самой серьёзной из их троицы, той, кто видит мир в чёрно-белых тонах и не терпит пустой болтовни. Юи и Шайни, напротив, были легки на подъём, любили посмеяться и поболтать о всяких девчачьих глупостях, и сейчас они увлечённо обсуждали новое платье, которое Шайни сшила себе на прошлой неделе, — как оно сидит, какого оттенка получилась вышивка, и не слишком ли открыто декольте.

— ...а я говорю, что рукава надо было сделать длиннее, потому что... — тараторила Шайни, поправляя идеально лежащую прядь своих пепельных волос.

Бастит слушала этот щебет вполуха, чувствуя, как внутри нарастает глухое, давящее раздражение.

- Вам лишь бы набить чем-то брюхо, — внезапно вырвалось у неё. Голос прозвучал глухо, но с такой силой, что Юи и Шайни разом замолчали. — Нет у вас в головах ничего! Тряпки, платья, украшения... Вы хоть раз думали о том, что происходит вокруг? Или вам всё равно, пока ваши тарелки полны?

Она с силой ударила кулаком по столу — так, что подпрыгнули кружки, и чай расплескался на скатерть.

Соседние столики начали затихать. Головы поворачивались в их сторону.

Бастит не обратила на это внимания.

— Бастит, что с тобой? — обеспокоенно спросила Юи, наклоняясь вперёд. В её глазах читалось искреннее беспокойство. — Ты сама не своя последние дни. Может, плохо спала? Или... — она запнулась, — или случилось что-то?

— Что со мной?! — Бастит обвела их взглядом — горящим, почти безумным, полным такого отчаяния, что Юи невольно отшатнулась. — Вы что, не понимаете, что происходит вокруг нас?! Вы в болоте живёте?

— Ну, просвети нас, — отозвалась Шайни с лёгкой, чуть заметной обидой в голосе. Она поправила длинную прядь волос, заправляя её за ухо, и посмотрела на подругу с вызовом. — Мы же, наверняка, чего-то не знаем. Расскажи. Мы слушаем.

Бастит глубоко вздохнула. Посмотрела на них — на Юи, чьи глаза выражали искреннюю тревогу, и на Шайни, которая пыталась скрыть беспокойство за маской безразличия.

— Старейшая Ария уже не в своём уме, — сказала она тихо, но твёрдо, и каждое слово повисло в воздухе, как камень. — Сколько я пыталась до неё достучаться. Сколько пыталась втолковать, объяснить, показать... Она не слушает. Вообще не слушает. Как будто стена между нами выросла.

Она замолчала, собираясь с мыслями. В столовой стало заметно тише. Соседние столики уже не скрывали своего интереса — кто-то перестал жевать, кто-то повернулся всем корпусом, кто-то толкнул соседа локтем, привлекая внимание к происходящему.

— А зоорожденные гибнут, — продолжила Бастит, и голос её зазвенел, набирая силу. — Гибнут каждый день. И ради чего? Ради кого?! Ради Фриды?! Она — Каинка! И она уже нас подставила! Разве нет?

Она обвела взглядом помещение, встречаясь глазами с теми, кто уже слушал открыто.

— Но Старейшая этого не видит! Не хочет видеть! Она одержима мыслью победить Азазеля любой ценой! Очевидно же — силы не равны! Ни по численности, ни по мощи! Как мы можем противопоставить его мёртвой армии? Наши когти и зубы?

Голос Бастит сорвался на крик. Это уже не был разговор за завтраком — это была речь.

— Тебе не кажется, что это вопросы не нашего толка? — тихо, почти шёпотом, спросила Юи, наклоняясь ближе. В её голосе слышалась мольба — пожалуйста, замолчи, не привлекай внимания, это опасно.

Но Бастит не сбавляла громкость. Наоборот — её слова продолжали звучать на весь зал, ударяясь о стены и возвращаясь эхом.

— А сколько можно слепо доверять наши жизни — непонятно кому?! — крикнула она, вскинув руки. — Сколько можно верить обещаниям, которые никто не выполняет? Речь идёт о наших жизнях! О жизнях наших соплеменников! О наших детях, которые просыпаются в страхе каждую ночь!

— И что ты предлагаешь? — раздался голос с другого столика.

Бастит резко развернулась.

Оказалось, что их разговор уже давно не был частным. Почти половина столовой смотрела в их сторону — кто с любопытством, кто с тревогой, кто с открытой поддержкой. Тот, кто задал вопрос, был Кану Лимура — высокий, мужчина с бледно-серой кожей и чёрными, глазами. Его голос звучал спокойно, ровно, но в нём чувствовался явный вызов.

— Продолжай, Бастит, — добавил он, складывая руки на груди. — Раз уж начала, не останавливайся на полуслове.

Бастит, подхваченная волной собственной речи, поднялась со стула. Медленно, величественно, как богиня, спускающаяся с Олимпа. Теперь на неё смотрели уже не несколько столиков — почти все. Даже дети затихли, чувствуя, что происходит что-то важное.

— Шанс такой только раз выпадает! — её голос прогремел, заглушая привычный утренний гомон. Она стукнула кулаком по столу, и кружки вновь подскочили. — И светлую эру нам создавать самим! Не ждать, пока кто-то придёт и спасёт нас! Не надеяться на милость врага! А взять свою судьбу в собственные руки!

Она перевела дух. Её грудь тяжело вздымалась, щёки покраснелись, в глазах горел огонь.

— Со Старейшей нас ждёт забвение и смерть! — сказала она, и в голосе её зазвучала такая убеждённость, что некоторые невольно кивнули. — Она ведёт нас к пропасти, и, если мы не свернём — свалимся все вместе. А если пойдёте за мной... никто не останется в накладе!

— Предлагаешь свергнуть Старейшую Арию?! — выдохнула Юи, приложив руку к губам. В её глазах читалось изумление — и страх. Настоящий, животный страх перед той мыслью, которую Бастит только что озвучила.

Эта идея, высказанная открыто, казалась безумием. Старейшая была не просто правителем — она была символом. Сердцем. Душой их сопротивления. Свергнуть её... это всё равно что вырвать корень из дерева и удивляться, почему оно засохло.

— Она больше не внемлет голосу своего народа! — Бастит обвела присутствующих горящим взглядом. — Мы пытались говорить с ней! Мы пытались убедить! Но она глуха! И слепа! Время пришло высказаться! Время пришло готовиться к большим переменам!

Она замолчала, давая словам осесть.

В столовой стояла тишина — тяжёлая, напряжённая, как перед грозой.

— И как же ты собираешься победить Азазеля? — снова подал голос Кану лемур. В его вопросе звучал скепсис, но был и явный, неприкрытый интерес. — Дай угадаю: махать когтями? Или, может, у тебя есть секретное оружие, о котором мы не знаем?

Бастит повернулась к нему. Посмотрела прямо в глаза — и улыбнулась. Холодно, хищно, без тени тепла.

— Мы больше не будем проливать кровь соплеменников, — сказала она, и каждый слог прозвучал как приговор. — Довольно. С нас хватит.

Она снова ударила кулаком по столу — на этот раз тише, сдержаннее, словно она уже взяла гнев под контроль.

— Азазель ищет Фриду? — продолжила она. — Выдадим ему её с потрохами! Отдадим, что он хочет! Сделаем, что сможем!

Ропот пробежал по залу. Кто-то ахнул, кто-то переглянулся с соседом, кто-то покачал головой, но никто не закричал «нет». Это было страшно.

— Определим земли, в которые мы сможем уйти, — продолжала Бастит, повышая голос. — Земли, где нас не найдут. Продолжим жить — не мешая друг другу. Вылезем из-под земли! Мы задыхаемся в этих норах, в этих пещерах, в этом вечном страхе! Хватит! Остановим эту войну! Не на наших условиях — так на тех, что дадут нам выжить!

Она выдохнула.

На секунду ей показалось, что она перегнула. Что тишина, повисшая в зале, — это тишина осуждения.

Но потом кто-то выкрикнул:

— Да!

Один голос. Затем второй. Третий.

«Да!» — раздался уже хор голосов. Несколько Кану, сидящих за разными столиками, подняли кулаки в воздух. К ним присоединились другие. Ещё. И ещё.

Этот спонтанный порыв одобрения, казалось, придал Бастит ещё больше уверенности. Она выпрямилась, расправила плечи, и на её лице впервые за долгое время появилось подобие улыбки — жёсткой, решительной, как лезвие ножа.

— Ты говоришь о том, чтобы отдать Фриду? — вдруг из шумной толпы послышался знакомый голос. — Это... это предательство.

Голос был негромким, но в наступившей после выкриков паузе его слышали все.

Зоорожденные, сидевшие у входа, зашевелились, расступились. И сквозь живой коридор, понунив голову, прошёл Рави. За ним, словно тень, боязливо жалась к его спине, несмело шла Руби — маленькая, взъерошенная, с красными от недосыпа глазами.

Рави остановился перед Бастит. Поднял голову. В его глазах не было страха — только боль и недоумение.

— Фрида — наша подруга, — сказал он тихо. — Она сражалась с нами плечом к плечу. Она рисковала своей жизнью ради нас. И теперь ты предлагаешь отдать её врагу? Как вещь? Как кусок мяса, чтобы задобрить хищника?

Бастит встретила его взгляд. Не отвела глаз.

— А цена, которую мы платим сейчас, какая? — спросила она. Голос её стал тише, но от этого не потерял силы. — Наши жизни, Рави. Наши дети. Старики, которые не могут сражаться. Разве это не более высокое предательство — обречь их на смерть ради гордости? Ради одной девчонки, которая даже не нашего рода?

Рави открыл рот, чтобы возразить, но Бастит жестом остановила его.

— Мы должны найти выход, который позволит нам жить, — продолжила она. — Земли, где нас не найдут. Мир, который мы сможем построить сами. Разве это не то, чего мы все хотим? Разве не этого мы добиваемся уже столько лет?

Она замолчала.

В столовой снова загудели. Но теперь это было не утреннее щебетание — а тяжёлый, многоголосый рокот обсуждения. Большинство склоняли головы, кивали, поднимали кулаки. Некоторые смотрели на Рави с сочувствием, но никто не встал на его сторону.

Поднятые кулаки. Кивки. Тихие возгласы одобрения. Всё это было ответом на призыв Бастит.

Рави тревожно взглянул на Руби, пытаясь передать ей всю серьёзность ситуации своими глазами. Руби побледнела ещё сильнее, вцепилась в его рукав, и он чувствовал, как дрожат её пальцы.

— Я понимаю тебя, Рави, — Бастит обратилась к нему, и в её взгляде проскользнула тень сожаления. Искреннего, не наигранного. — Она ваша подруга. Я знаю. Мне жаль.

Она сделала паузу.

— Но речь идёт о гораздо более серьёзных вещах, — добавила она, и сожаление исчезло из её глаз, сменившись холодной решимостью. — О выживании нашего вида. И я не могу позволить жалости встать на пути.

Она кивнула куда-то за спину Рави и Руби.

В тот же миг двое могучих Кану Медведей — огромных, молчаливых, с руками толщиной в ствол векового дерева — оторвались от стены и бесшумно двинулись вперёд.

Рави обернулся слишком поздно.

— Эй! Что ты творишь! — возмутился он, когда тяжёлые лапы сомкнулись на его плечах. Он дёрнулся, попытался вырваться, но хватка медведей была мёртвой. — Отпусти!

— Отпустите нас! — вторила ему Руби, и её голос дрожал от страха, срываясь на высокие, почти детские ноты. Она колотила маленькими кулачками по руке медведя, державшего её за локоть, но это было всё равно что бить по каменной стене.

— Простите, друзья, — Бастит с грустью посмотрела на них. В её взгляде была боль — но не та боль, что заставляет менять решение. А та, что приходит с пониманием необходимости жестокого выбора. — Но я не могу позволить вам предупредить Старейшую. Или Фриду. Вы слишком близки к ним.

Она перевела взгляд на Кану Медведей.

— Свяжите их, — приказала она. — Но не причиняйте вреда. Хватит уже мучений. Пусть просто посидят под замком, пока всё не закончится.

Кану Медведей молча кивнули. Один из них ловко вытащил из-за пояса толстую верёвку, прежде чем Рави успел что-либо предпринять. Верёвка обвила его запястья — туго, но не больно. Руби связали такой же аккуратно, хотя она и продолжала всхлипывать, умоляя отпустить их.

— Фрида не простит вам этого! — крикнул Рави, когда его поволокли к выходу. — Никогда!

— Может быть, — ответила Бастит, не оборачиваясь. — Но мы будем живы. А это главное.

Двери столовой с глухим стуком захлопнулись за Рави и Руби.

В помещении повисла тишина — на секунду, не больше. А затем снова загудели голоса. Но теперь это был гул одобрения.

За обветшалой каменной плитой, которая когда-то служила фасадом здания, Лириэль и Зик наблюдали за массивной стеной Арканума. Высокая, непреступная, она словно насмехалась над их попытками найти лазейку.

- Ну что, есть идеи, как нам туда попасть? — нервно спросила девушка, её голос звучал приглушенно от тревоги.

Зик, чуть помедлив, принялся внимательно оглядывать территорию, словно выискивая слабые места в обороне: - Для начала нужна маскировка — , — заключил он.

Он сделал пару шагов назад, и, подавляя непроизвольный крик, держась за голову, начал преображаться. Его черты искажались, кожа покрывалась мелкой чешуйчатой текстурой, и через мгновение перед Лириэль стоял уже не Зик, а кану рептилии.

- Ящерица? Очень миленько, — саркастично подметила Лириэль, наблюдая за его трансформацией.

На что Зик равнодушно пожал плечами: - С моей кожей это перевоплощение самое простое —

- А что на счёт меня? — спросила она, ожидая, что он найдет и для неё какое-нибудь простое решение.

- Да, я могу перевоплотить тебя... но есть загвоздка», — Зик снова повернулся к ней, его чешуйчатые глаза внимательно изучали её. — Чтобы сила действовала, придётся... держаться за руки...

- Всё время? — Лириэль удивлённо подняла брови.

- Ну... без прямого прикосновения силы будут держаться пять-семь минут — пояснил он. — Само по себе перевоплощение требует постоянного контакта.

- Что ж, хоть не преврати меня в крысу - девушка решительно подошла к Зик и взяла его за руку. Он нервно сглотнул. «Будет немного болеть голова...», — предупредил он.

Лириэль почувствовала, как по её телу начал расходиться слабый ток, и тут же накатила сильнейшая головная боль, чуть не сбившая её с ног. Но Зик, предугадав это, вовремя подхватил её. Через несколько секунд, казавшихся вечностью, боль отступила, и девушка, всё ещё держась за виски, смогла ровно стоять на ногах.

- Немного?! У меня чуть голова не взорвалась! — воскликнула она, переводя дыхание.

- Прости... для меня это уже привычное дело, — Зик виновато пожал плечами. — «Ты как?»

- Нормально... — Лириэль начала оглядывать себя, ощущая непривычную лёгкость и изменения в теле. — Я птица? Эм... лебедь?

- Я увидел тебя так ... — ответил Зик, едва заметно улыбнувшись.

Лириэль недоверчиво посмотрела на свои руки, которые теперь были покрыты тонкими, изящными перьями. Она потрогала свою шею, чувствуя, как она удлиняется, а её лицо, к её удивлению, слегка вытянулось.

- Лебедь... «Я превратилась в лебедя», — прошептала она, всё ещё не веря в произошедшее. Это было не то, чего она ожидала, но, признаться, было довольно красиво.

- Теперь мы можем пройти сквозь стену, — сказал Зик, его немного шипящий голос звучал более глубоко, чем обычно. Он уже почти полностью привык к своей рептилийской форме, и движение стало для него естественным. - Птицы могут пролететь над стеной, а я, как ящерица, могу проскользнуть через небольшие щели, — добавил он, смотря на неё с лёгкой улыбкой.

Лириэль, всё ещё немного ошарашенная своим новым обликом, неуверенно ступила вперёд. Она почувствовала, как её тело стало легче, а в груди забилось новое, более стремительное сердце. Она пошевелила крыльями, и они послушно расправились, раскрывая белоснежное оперение. - Я... я никогда не думала, что это возможно, — пробормотала она, чувствуя, как поднимается ветер.

- Пора идти, — напомнил Зик, уже направляясь к одному из незаметных проходов в стене. — Держись за меня. Если мы потеряем контакт, наш облик может исказиться. Лириэль кивнула, стараясь не потерять из виду его скользкую, чешуйчатую фигуру.

Подойдя к стене Зик ещё раз внимательно осмотрел окрестности и убедившись, что они одни, он отпустил руку Лириэль. Ощущение прикосновения ещё витало в воздухе.

- Вспорхни, — сказал он, указывая на купол как на цель. — Там наверняка есть дверь или расщелина для птичьих кану. Я проскользну вот здесь, — он указал на небольшую, почти незаметную трещину в массивной каменной стене. — Встретимся по ту сторону. Но не медли, если перевоплотишься обратно в себя, находясь на стене, я не смогу помочь

- Поняла, — девушка решительно кивнула, принимая его план. — А ты тут пролезешь? — она с сомнением посмотрела на узкую щель.

- Твоё кану позволяет тебе летать, а моё кану сделало из моего тела пластилин — он подмигнул девушке — Ну, вперед! —

Лириэль кивнула и, оттолкнувшись от земли, вспорхнула в небо. Зик пару минут просто наблюдал за ней, его дыхание перехватило. Он был заворожен её грацией, её красотой, парящей в воздухе, словно воплощение древних легенд. Только убедившись, что она достигла вершины купола и, вероятно, нашла путь внутрь, Зик, собрав всю свою гибкость, протиснулся в расщелину в стене, исчезая внутри Арканума.

Лириэль, словно легкое перышко, без труда преодолела расстояние до купола. И действительно, в верхней части свода, искусно скрытая от посторонних глаз, обнаружилась узкая расщелина. Она без малейшего усилия проскользнула туда. С высоты стены ей открылся вид на сам Арканум. Она представляла его совсем иначе, и зрелище, которое предстало перед ней, захватило её дух. Огромный каменный туннель уходил глубоко под землю, теряясь где-то внизу. Сколько там было ярусов, невозможно было определить. Снаружи Арканум был окружен густыми, пышными зелеными насаждениями, которые создавали ощущение уединенности и безопасности. Лириэль могла бы рассматривать этот вид бесконечно, но понимала, что у неё есть лишь пара минут на спуск, прежде чем её маскировка начнет слабеть. Разбежавшись, она спикировала вниз. Слегка оперившись на стену, чтобы смягчить приземление, она обнаружила, что там её уже ждал Зик.

- Успешно? — Зик протянул ей руку — изящную, но крепкую, с тонкими чешуйками, которые поблескивали в тусклом свете. Лириэль радостно ухватилась за неё, чувствуя, как тепло и уверенность передаются с каждым движением.

- Я никогда не думала, что могу так! Я летала, Зик, я парила! — в её голосе звучал неподдельный восторг, смешанный с детской непосредственностью. Тепло от её прикосновения, её

искренняя радость полностью захватили Зика, и он невольно расплылся в широкой, искренней улыбке.

- Да, ты словно рождена, чтобы парить в небесах, Эль. Ты потрясающая... — его слова слетели с губ прежде, чем он успел их обдумать, но, увидев, как от неожиданного признания её нежная кожа покрылась лёгким румянцем, он не почувствовал ни капли сожаления.

Девушка растерялась, прочистила горло и поспешила перевести тему: - Как мы найдём Фриду? Я посмотрела, Арканум, похоже, бесконечно глубокий. Я не представляю, как...-Зик поднял руку, призывая Лириэль замолчать. Его взгляд стал более сосредоточенным, словно он уже видел выход из этой запутанной ситуации. - Она единственная Каинка среди зоорожденных. Уверен, её все знают. Нужно лишь найти приветливого кану и спросить.

Рави и Руби, с силой оттащенные из столовой, были доставлены на нижние ярусы Арканума, в мрачные, сырые камеры, предназначенные для нежелательных гостей и буйных кану. Как только тяжелая, окованная железом дверь захлопнулась с глухим стуком, рассекая тишину, Рави мгновенно оказался на ногах. Его когти, острые и крепкие, моментально разорвали грубую веревку, сковывающую его руки за спиной. Покончив со своими путами, он быстро и ловко освободил и Руби, чьи руки были стянуты так же туго.

- Что же нам теперь делать, Рави? — всхлипнула Руби, потирая распухшие запястья. Её обычно храбрый взгляд сейчас был полон тревоги и растерянности.

- Нужно найти Старейшую, и предупредить её, — спокойно ответил Рави, его голос был тихим, но твердым, словно эхо удалялось в мраке коридоров.

- Но каким образом мы выберемся отсюда? Здесь ни окон, ни дверей... — её голос задрожал.

Рави, не обращая внимания на её слова, сунул руку в небольшой кожаный карман на поясе. Его пальцы нащупали связку ключей, отполированных до блеска от частого использования. Он принялся методично подбирать каждый, прикладывая к замку, надеясь найти нужный.

- Что? — Руби недоверчиво встала и подошла к двери, ошарашенно наблюдая, как Рави, сосредоточенный и быстрый, старается как можно скорее открыть дверь. — «Откуда у тебя... все эти ключи?»

Рави поднял взгляд, его глаза мерцали в полумраке. «Я... в общем, у меня соглашение со Старейшей Арией. Я её «Глаза и уши»...» — он произнес это с легкой долей иронии.

- Шпионишь для неё? Но за кем? — Руби была поражена.

- За всеми... — Рави снова вставил не тот ключ, замок остался недвижим. Он зло цокнул языком. — «Поддерживаю порядок и получаю за это определенные преимущества...»

- Почему мне никогда не рассказывал? — в её голосе прозвучали нотки обиды.

- Не хотел забивать твою голову всякими глупостями... — пробормотал он, наконец, найдя нужный ключ.

- Глупостями? — повторила она, но его слова потонули в щелкающем звуке, когда дверь поддалась.

В эту секунду дверь отворилась, и Рави победно повернулся к Руби. Он сжал её плечи, заглянул ей прямо в глаза, и его голос стал серьёзным. «Послушай, Руби, мы успеем ещё поговорить об этом, верно? Сейчас нужно предупредить Старейшую... А тебе... тебе нужно найти Фриду. Скорее всего, ей грозит опасность. Ты должна предупредить её и спрятаться в оранжевое. Хорошо?»

Руби, немного помедлив, кивнула. Рави снисходительно улыбнулся, быстро, почти неведомо поцеловал её в макушку — «Удачи!» — и, словно молния, сорвался с места, растворяясь в мраке коридоров Арканума.

Спуск в свою комнату казался путём через лабиринт теней. Я старалась двигаться быстро и незаметно, прижимаясь к холодной, влажной стене, словно сама становясь частью её, чтобы исчезнуть из поля зрения. Мысли о том, что может произойти, если меня кто-нибудь заметит, роились в голове. Не хотелось встречать кого-либо из кану, тем более отвечать на вопросы, ответы на которые я и сама не знала. Мрачные размышления внезапно прервали голоса, звучащие откуда-то из-за ближайшего угла. Я мгновенно пригнулась, скользнув за выступ стены, и затаилась в густой тени, надеясь остаться незамеченной.

- Не могу в это поверить... неужели Бастит всерьёз хочет свергнуть Старейшую? – голос Юи, кану орлицы, прозвучал с ощутимым недоверием. Она обнимала себя за плечи, словно пытаясь согреться от нахлынувшего холода.

- Это давно было пора сделать – отозвалась Шайни, её тон был резким и решительным

- Бастит абсолютно права. Хватит с нас кровопролития. Сдадим эту психичку Фриду негрофагам, и делу конец...-

О чём это они говорят?! Бастит затеяла восстание?!

Сердце бешено заколотилось в груди. Я пригнулась ещё ниже, стараясь держаться подальше, и незаметно, как тень, последовала за кану, чьи голоса становились всё приглушеннее.

- Всё таки Фрида, хоть и не зоождённая, она... одна из нас... и она пыталась помочь... - Юи, казалось, всё ещё колебалась.

- Юи, она каинка! И никогда не будет одной из нас! — отрезала Шайни. — Пошли скорее! Нужно взять сонную иглу у целителей, чтобы усыпить её...-

Шайни и Юи ускорили шаг, их силуэты растворялись в темноте. Я же осталась на месте, переваривая услышанную информацию. Первая мысль, инстинктивная, – броситься к Старейшей, предупредить её о заговоре. Но, поразмыслив секунду, я поняла, что это слишком рискованно. Скорее всего, мне нужно будет покинуть Арканум как можно скорее и передать сообщение для Руби. Да, это будет правильным решением.

Я подошла к лестнице, ведущей вниз, в глубины Арканума. Вдоль её спирали, прям до самого дна, тянулся толстый металлический трос – спасение для самых смелых кану, для тех, кто не терпел медленные подъёмы и спуски по ступеням. Такая молниеносная альтернатива казалась мне куда более привлекательной, чем неторопливое путешествие по каменным уступам.

Я села на край перил, устроившись поудобнее. Зацепив трос за массивный карабин ремня, я почувствовала его холодную прохладу. Благо, мои специальные перчатки, сделанные из прочной, но гибкой кожи, надежно защищали руки от возможных ожогов или боли. Вдохнув поглубже, я оттолкнулась от края и начала быстрой, почти стремительный спуск. Трос запел подо мной, воздух свистел в ушах, а мир вокруг превращался в размытое пятно. Оказавшись внизу, на твердой земле, я быстро отцепила трос от ремня. Сердце всё ещё колотилось, но ощущение скорости и свободы придавало уверенности. Развернувшись, я нос к носу столкнулась с кану-ящерицей. Быстро отшатнувшись, чтобы не задеть его, я пробормотала:

- Прости, прости, надеюсь я тебя не задела...-

- Всё в порядке, — он поднял руки в умиротворяющем жесте. Его глаза, покрытые мелкой чешуёй, были спокойными. - Всё в порядке? Ты выглядишь расстроенной -

- Прости, я спешу! — уже собираясь обойти его, я заметила рядом с ним кану-лебедя. Девушка, чьи перья сияли жемчужным блеском, быстро взяла мужчину за руку.

- Привет, — улыбнулась она, её взгляд пробежался по мне с лёгким любопытством.

- Эм...привет... - я ошарашенно посмотрела на их сплетающиеся руки. Пара из такого разных видов – ящерица и лебедь – это что-то из ряда вон выходящее. Девушка, заметив мой взгляд, помахала крылом у меня перед носом, привлекая внимание.

- Что-то не так? -с мягкой улыбкой спросила она.

- Прости... — я вернула своё внимание к кану-ящерице, стараясь скрыть своё изумление. — Не часто встречаешь пару кану не из одного вида... а тут прям... такое впервые встречаю. Буквально небо и земля, — я усмехнулась, пытаюсь разрядить неловкость.

- В самом деле? — девушка зло перевела взгляд на мужчину, на её лице промелькнуло что-то похожее на обиду. Тот откашлялся и, видимо, решив, что время для светских бесед истекло, продолжил, обращаясь ко мне: «Слушай, нам нужна помощь, мы...»

Он не успел закончить. Из глубины Арканума донёсся крик, который заставил моё сердце замереть.

- Фрида!-

Я обернулась. Ко мне со всех ног неслась Руби, её волосы вздымались от бешеного бега, а в глазах читалась крайняя тревога.

-Как хорошо, что я тебя встретила! — она остановилась, тяжело дыша, её бока вздымались.

- Я бежала вверх, когда увидела, как ты мелькнула вниз по тросу, и побежала назад! — Она перевела взгляд на ошарашенных кану, стоящих за моей спиной, и с ноткой недоверия спросила: — Твои друзья? —

Я перевела взгляд на них, затем на Руби, и, отступив немного, чтобы она могла следовать за мной, тихо сказала:

- Послушай меня, Руби. Старейшая в опасности! Тебе нужно срочно найти её и передать ей... -

- Я знаю, Фрида! - перебила меня Руби, её голос дрожал от напряжения. - Бастит! Она организует восстание! Она схватила меня и Рави, и заперла в катакомбах Арканума! —

- Неужели это правда?! — мне казалось, что земля уходит из-под ног. Я схватилась за голову, пытаюсь осознать услышанное. - Поверить в это не могу!—

- Рави отправился к Старейшей Арии, а я помчалась на твои поиски! — сказала Руби, её голос стал ещё более настойчивым. — Скорее, нам нужно бежать в оранжерею —

- Нет, Руби... нет... — мой голос дрогнул, я в сердцах сжала кулаки.. - Послушай, я решила... Хватит смертей невинных кану. С восстанием вы разберётесь и без меня. Бастит хотела отдать меня Азазелю, но я не хочу, чтобы моими руками она нажила себе такого могущественного союзника. Я сама пойду к нему... и закончу то, что должна...-

- Фри... ты не можешь... — в глазах Руби блеснули слезы. — Это не должно ложиться на твои плечи! —

- Это всегда лежало только на моих плечах... — я горько усмехнулась. — Я знала, каково моё предназначение. И если на то воля богов, я вернусь...-

- Фри...— Руби больше не могла сдерживать слезы, они текли по её щекам, сверкая в тусклом свете Арканума.

- Не тревожься за меня, — я старалась говорить спокойно, хотя внутри всё переворачивалось. — Ты нужна Рави. Передай Старейшей, куда я пошла... — я подняла мизинец, указывая в глубину Арканума, и грустно улыбнулась Руби. Она посмотрела на меня с такой же печальной улыбкой и подняла свой, приблизив к моему, но не касаясь, словно застыв в момент прощания, полного невысказанной боли и надежды.

Несколько секунд спустя тишину нарушил деликатный покашливающий звук. Кану-ящерица смущенно переступил с ноги на ногу, снова привлекая к себе внимание.

- Прошу прощения, что подслушал, но... Фрида, да? —

Я утвердительно кивнула, вытирая ладони о штаны.

- Если ты собираешься за пределы Арканума, в земли Азазеля, мы могли бы тебя проводить...- он сделал шаг вперед, его чешуя тихо зашуршала.

- Проводить? — я удивленно вскинула бровь. - Откуда Вы знаете земли за пределами Арканума? —

- Хороший вопрос – тихо, практически прошептала кану-лебедь, её взгляд стал настороженным.

- Ну... я же ящерица, — он нервно дернул плечом, избегая прямого взгляда. — И знаешь, люблю везде ползать и всё такое... Исследовать неизведанное.

- Даже там, где тебе грозит смерть? – возмутилась я, все еще не веря в серьезность их намерений.

- Эй, что за жизнь без риска – он нервно хихикнул, но в глазах промелькнула тень серьезности. — Я знаю тропы, которыми не пользуются зоорожденные. Секретные ходы, тоннели... -

- Спасибо за предложение... — я вздохнула, чувствуя, как решимость камнеет внутри. — Но думаю, мне стоит пойти одной. Азазель ищет меня, и только меня. Не хочу подвергать вас опасности.

- Мы проводим тебя до самого замка, — неожиданно твердо вставила кану-лебедь. — Дальше не пойдем, обещаем. Позволь тебе помочь, Фрида. Дорога к логову Азазеля полна ловушек, даже если ты идешь навстречу смерти.

Я посмотрела на неё, затем на рептилию, и, немного помешкав, кивнула. Чужая помощь сейчас была как глоток воздуха. Обернувшись на Руби, мы еще пару секунд молча смотрели друг на друга — в этом взгляде было всё: и прощание, и мольба, и надежда. Затем мы уверенно кивнули. Руби развернулась и стремительно взбежала вверх по лестнице, а я, в сопровождении странной пары, двинулась в темноту нижних ярусов, навстречу своей судьбе.

Даже когда небо над Арканумом уже заливалось рассветным светом — бледным, робким, едва пробивающимся сквозь вековые корни деревьев, — внизу, в глубинах, царил вечная тень.

Сырость пропитывала воздух, делая его тяжёлым, почти осязаемым. Слякоть хлюпала под ногами — каждый шаг сопровождался противным чавкающим звуком, словно ты ступал по чему-то, что давно должно было быть мёртвым, но продолжало дышать. Промозглость щипала кожу, забиралась под одежду, оседала на лёгких холодным, влажным комком.

Это были идеальные условия для тех, кто обитал в этих мрачных казематах: кану-рептилий, грызунов, и всех тех, кто по каким-то причинам не вписывался в сверкающие «верхние» слои общества. Здесь не было блестящих залов, украшенных драгоценными камнями и живыми цветами. Здесь не было мягких ковров и тёплого света. Здесь было только выживание — голое, жестокое, ежедневное.

Однако для Бастит это место было не просто убежищем для «отверженных». Она видела в этом глубокое социальное разделение, пронизывающее весь Арканум подобно гниющей ране. Обитателей «низов» сторонились, словно чумных — обходили десятой дорогой, а если и заговаривали, то лишь по крайней необходимости. «Верхние» кану считали их опасными, грязными и лживыми. И, признать, какая-то доля правды в этом была: здесь действительно процветали свои законы, своя жестокость, своя правда, которую никто наверху не хотел знать.

С ними меньше считались. Их существование старались не замечать — лишь бы только не иметь с ними дела. Пусть живут, лишь бы не лезли. Пусть подышают, лишь бы не мешали.

Конечно, в совете кану Старейшей был представлен и главарь «низших» — могучий кану-кобра по имени Зонг. Но его присутствие там было скорее номинальным, данью традиции, не более. Он часто пропускал заседания, и, честно говоря, никто и не настаивал на его постоянном участии. Его мир был здесь, внизу, среди теней и выживания, среди запаха плесени и вечной сырости. И это всех устраивало.

Бастит, следуя вековым традициям «верхних» кану, всегда сторонилась Зонга, избегая его взгляда и близости. Она выросла с мыслью, что «низшие» — это те, кого следует держать на расстоянии. Те, с кем не садятся за один стол. Те, чьих детей не приглашают на праздники.

Но сейчас, когда в её голове зрели амбициозные планы, она прекрасно понимала: поддержки обычных сородичей будет недостаточно. Одних слов, даже самых пламенных, недостаточно. Нужны были союзники посерьёзнее — те, у кого есть реальная сила, реальные клыки и реальная власть над живыми существами.

А для этого неплохо было бы заручиться дружбой и поддержкой тех, кто правил в этих тёмных, презируемых «низах».

Войдя в кабинет Зонга, Бастит почувствовала, как шерсть на её хвосте встала дыбом.

Здесь царила особая, давящая атмосфера — смесь промозглости, древности и чего-то ещё, неуловимого, что заставляло инстинкты включаться на полную мощность. Темные стены, казалось, были выкрашены в цвет болотной жижи — тусклые, зеленовато-коричневые разводы, которые, если присмотреться, медленно пульсировали, словно жили своей собственной жизнью. Мебель, обитая старой, неприятной на ощупь искусственной кожей, лишь усиливала ощущение упадка. Эта кожа потрескалась, облезла, и кое-где из-под неё вылезала набивка — серая, похожая на спрессованную пыль.

Бастит переглянулась с Шайни, которая, пожав плечами, осталась в компании новых телохранителей — могучих кану-медведей — в коридоре. Девушка чувствовала, как Шайни не нравится это место — её хвост нервно подрагивал, а уши были прижаты к голове. Но выбора не было.

Сама Бастит решительно прошла к столу, заваленному какими-то свитками и странными артефактами.

Со скрипучего, потрёпанного стула поднялся высокий, стройный, крепкий мужчина.

Бастит замерла на секунду. Это был не Зонг.

Кану-кобра — она узнала бы эту породу где угодно. Его зелёная, словно изумрудная, чешуйчатая кожа элегантно переливалась в тусклом свете, пробивающемся из узкого, затянутого паутиной окна. Каждая чешуйка, казалось, светила изнутри — холодным, болезненно-красивым изумрудным огнём. Жёлтые, вертикальные змеиные зрачки светились в полумраке ярче любой свечи, пронзая взгляд, как два кинжала.

Он, с едва уловимой грацией — той особой, текучей грацией, которая отличает его вид от всех остальных, — поклонился. Затем, приподняв руку Бастит, коснулся её губами, исполнив старинный, почти забытый ритуал приветствия. Его губы — холодные, сухие — на секунду задержались на её коже, и Бастит почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Нечасто мои скромные владения посещают столь приятные особы, — произнёс он. Голос его, чуть шипящий, как и полагалось кобре, был при этом удивительно глубоким и бархатистым — голос, который мог убаюкать или убить, в зависимости от настроения. — Прошу, присаживайтесь.

Он указал изящным движением головы на массивное кресло, обитое той самой старой, ненатуральной кожей.

Бастит, испытывая стойкое недоверие, медленно опустилась в кресло. Оно скрипнуло под её весом, и она почувствовала, как пружины впираются в бёдра.

— Я надеялась на аудиенцию с господином Зонгом, — начала она, а затем запнулась, не зная, как продолжить. Ведь очевидно, что перед ней был не тот, кого она ожидала. — А вы... вы его заместитель? Сын?

Она пыталась сохранить лицо, но чувствовала, как лёгкое замешательство просачивается в голос.

— Вы наверху совсем потеряли связь с реальностью, — он слегка улыбнулся. Это была скорее ухмылка — холодная, оценивающая, за которой не было и тени радушия. Только хищная оценка, просчёт уязвимостей, прикидка — как далеко можно зайти в игре с этой самоуверенной кошкой. — Мой отец, господин Зонг, почил несколько лет назад. Теперь я глава, как вы, «верхние», выражаетесь, «низших» кану. Моё имя — Зандар.

— Зонг мёртв! — Бастит слегка опешила. Шок от новости отразился на её лице — уши дёрнулись, хвост замер. Но она, обладая железной волей, быстро взяла себя в руки. — Тогда почему вы не представились совету кану и Старейшей? Таковы правила.

Зандар сложил пальцы домиком — длинные, тонкие пальцы с идеально ухоженными когтями, покрытыми чёрным лаком. Слегка склонил голову, и его змеиные глаза сузились до двух вертикальных щелей, в которых мерцал холодный, древний ум.

— Дела совета меня мало интересуют, — ответил он с ледяным спокойствием. — Как и я, собственно, мало интересую совет. Пусть Старейшая и её приспешники продолжают играть в свои игры наверху. Здесь, внизу, своя жизнь, свои законы и своя власть.

— А что вас интересует? — не отступала Бастит, пытаясь прощупать почву. Она подалась вперёд, положив локти на колени, и посмотрела ему прямо в глаза — не отводя взгляда, не моргая. С вызовом.

— Вы пришли поговорить о моих интересах, *сомбра*? — последнее слово он прошептал, чуть растягивая «р», словно пробуя его на вкус.

— Моё имя Бастит, — девушка заметно напряглась. Её уши предостерегающе дёрнулись, хвост взметнулся, коснувшись спинки кресла. — И я пришла к вам с делом, а не с игрой в слова.

— *Сомбра*, моя дорогая, означает — тень, — он оскалил клыки в усмешке, явно наслаждаясь её замешательством. — И не пытайся скрыть, что ты здесь именно тень. Тень, которая хочет стать светом. Я прав?

Бастит несколько мгновений пристально смотрела на него, затем откинулась на спинку кресла и сложила ногу на ногу. От неё не ускользнуло, как Зандар медленно, словно пробуя на вкус, прошелся по ней оценивающим взглядом — от ступней до самых кончиков ушей, задержавшись на изгибах тела чуть дольше, чем того требовали приличия.

— Я пришла поговорить и о ваших интересах в том числе, господин Зандар, — сказала она, делая ударение на имени. Поправила выбившуюся прядь волос, стараясь выглядеть спокойнее, чем была на самом деле.

— Господин Зандар... — он проговорил это с едва уловимым акцентом на первое слово, явно издеваясь. — Не нужно мне льстить, красавица. Титулы — для тех, кому нечего предложить, кроме пустых слов. А ты, я чувствую, пришла с чем-то более... весомым.

Он поднялся с кресла. Его движения были плавными, как у настоящей змеи, скользящей по ветвям — ни одного лишнего жеста, ни одного случайного звука. Он подошёл к маленькому столику в углу, где в хрустальном графине, покрытом тонким слоем пыли, плескалась густая янтарная жидкость. Плеснул в два стакана — не спрашивая, хочет ли она. Один протянул Бастит.

Она, не колеблясь и не показывая страха, взяла стакан. Пальцы их соприкоснулись на секунду — кожа Зандара была холодной, как у пресмыкающегося, но под ней чувствовалась напряжённая, пружинистая сила.

— Как вы, вероятнее всего, знаете, Старейшая Ария уже несколько десятилетий управляет нашим дорогим Арканумом, — начала Бастит, делая большой глоток крепкого напитка. Вино обожгло горло, разлилось по пищеводу теплом, и она почувствовала, как напряжение чуть отпустило. — Но всему рано или поздно приходит конец.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями.

— Старейшей пора на покой, — продолжила она твёрже. — Она не отдаёт себе отчёта в том, что делает. Ослеплена своей драгоценной Каинкой — Фридой. Она уверена, что Фрида — миссия, призванная спасти зоорожденных. Посланица небес, божественное провидение. А тем временем наш вид только гибнет.

Бастит встала с кресла и прошла по кабинету, касаясь кончиками пальцев пыльных корешков книг.

— Кому-то пора это прекратить, — сказала она, обернувшись к Зандару. — Пора восстать против Старейшей и защитить зоорожденных. Не её безумные идеи, а реальных кану. Иначе мы так и проведём свой век в этой большой клетке, пока некрофаги во главе с Азазелем живут и упиваются своей силой на наших землях.

Она замолчала.

В кабинете повисла тишина — такая же плотная, как воздух в «низах».

— О, интересно, — Зандар сделал паузу, смакуя слово, будто дорогое вино. Он снова сел в своё кресло, не сводя с Бастит пронзительного взгляда. — Ты решила заручиться моей поддержкой. Поддержкой всех «низших» кану, чтобы забраться на самый верх.

— Вы уловили суть, — Бастит слегка улыбнулась, чувствуя, что разговор переходит в нужное русло.

— Что я получу с этого? — Зандар сложил локти на коленях, приближаясь к ней. Его взгляд стал ещё более пронзительным — казалось, он видел не просто её лицо, а все мысли, все страхи, все уязвимости, которые она так старательно прятала.

— Ваше место в совете больше не будет «номинальным», — начала она, надеясь на его честолюбие. — Вы станете полноправным членом, с правом голоса, с правом вето. Ваши «низшие» получают представительство. Их голоса будут услышаны.

Зандар пренебрежительно отмахнулся, будто отгонял назойливую муху.

— Совет меня не интересует, — сказал он. — Мне не нужно сидеть рядом с теми, кто всю жизнь плевал в мою сторону, и делать вид, что мы равны. Это унижительно и бессмысленно.

— Станете моей правой рукой... — Бастит растерялась, понимая, что стандартные предложения не работают. Она перебирала в голове все козыри, которые могли бы его заинтересовать, — но каждый раз натывалась на стену его равнодушия.

— Этого мне тоже не нужно, — его голос стал низким и угрожающим, как далёкий раскат грома. — Та власть, что у меня есть, и моё нынешнее положение меня вполне устраивают. Я король своего мира. Зачем мне становиться чьей-то правой рукой?

Он подался вперёд.

— Что ещё ты можешь мне предложить, *самбра*?

— А что вы хотите, Зандар? — выдохнула она, чувствуя, как пульс учащается, а ладони становятся влажными.

Он посмотрел на неё. Медленно. Очень медленно.

— Тебя, — уверенно произнёс мужчина, не сводя с неё взгляда.

— Что?! — Бастит резко вскочила с кресла.

Но в ту же секунду Зандар встал со своего, оказавшись в опасной близости от неё. Он был быстрее, чем она ожидала. Гораздо быстрее. Движения кобры — молниеносные, неуловимые — теперь не казались ей красивыми. Они казались смертельными.

— Я хочу тебя, *самбра*, — его голос стал тише, почти интимным, и от этого делалось только страшнее. — Одна ночь со мной. И я положу всех «низших» кану к твоим лапкам.

Он провёл тыльной стороной руки по её щеке. Кожа его была холодной, гладкой, как чешуя. Бастит заметила, как её собственные зрачки расширились — от шока, от унижения, и от какого-то странного, невольного притяжения, которое она не могла объяснить.

— Я не предмет торга, — процедила Бастит, пытаясь отпрянуть. Но тело не слушалось. Она словно приросла к месту, пригвождённая его взглядом.

— Свою цену я назвал, — он приблизил своё лицо к её.

Она чувствовала его дыхание — прохладное, с лёгким травянистым запахом, который почему-то напомнил ей о лесах, в которых она бегала ребёнком, задолго до того, как стала той, кем стала.

Он провёл своим раздвоенным змеиным языком по её нижней губе — медленно, почти нежно — и оставил лёгкий, едва ощутимый поцелуй в уголке рта.

Бастит словно под гипнозом продолжала стоять неподвижно. Мысли спутались, превратившись в бесформенный ком, в котором не было ничего, кроме пульсирующего «что происходит?».

Зандар отстранился.

Только тогда она смогла снова дышать. Грудь тяжело вздымалась, лёгкие хватали воздух, как рыбы, выброшенные на берег.

Испепеляя его грозным взглядом, в котором читалась и ярость, и унижение, и ещё что-то, чему она отказывалась давать имя, Бастит резко развернулась и направилась к двери. Она старалась сохранить достоинство, хотя внутри всё кипело, рвалось наружу, требуя выпустить когти.

Она почти коснулась ручки двери, когда его голос, словно хлыст, рассек тишину кабинета:

— Уходя, помни: завтра на рассвете я поддержу Старейшую Арию. Ты будешь в меньшинстве, Бастит. Без «низших» даже с водными кану тебе будет недостаточно. Твой переворот захлебнётся в первый же день.

Её лапы сжались в кулаки. Длинные когти бесшумно впились в потрескавшуюся кожаную обивку двери, оставляя глубокие борозды.

Гордыня кричала, чтобы она ушла. Чтобы бросила ему в лицо проклятие. Чтобы вызвала его на дуэль прямо здесь, в грязи «низов», и показала, кто на самом деле царица, а кто — всего лишь змея в норе.

Но холодный расчёт — тот самый, что вёл её к власти, что помогал выживать в этом мире, где слабых съедают на завтрак, — напомнил о тысячах жизней, зависящих от её решения.

Бастит замерла.

Чувствовала, как кипящая в венах ярость медленно сменяется ледяной, вынужденной покорностью. Не принятием — нет. Временным перемирием с самой собой.

— Ты играешь с огнём, Зандар, — произнесла она, не оборачиваясь, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Но, кажется, ты забыл: тень не горит. Тень поглощает пламя.

Она медленно развернулась.

В её глазах больше не было страха или унижения. Только опасный, расчётливый блеск — такой, от которого даже змеиный взгляд Зандара на мгновение отпрянул. Кобра наблюдал за ней с нескрываемым торжеством, ожидая, что она примет условия. В его позе было что-то расслабленное, почти ленивое — как у сытого удава, который точно знает, что мышь никуда не денется.

Бастит подошла ближе. Шаг за шагом преодолевая ту дистанцию, которую он только что нарушил. Теперь уже она смотрела на него сверху вниз, хотя ростом была ниже. Она заставила его поднять голову.

— Одна ночь, — прошипела она, и её зрачки сузились до тонких щелок, полных яда. — Но после этого ты станешь моим должником. И когда я приду за своим долгом, ты отдашь мне не только всех «низших» кану, но и саму свою голову, если на то будет моя воля.

Она сделала паузу. Наклонилась ближе.

— Ты понял меня, змеёныш?

Зандар расплылся в хищной улыбке — довольной, торжествующей, как у кота, дорвавшегося до сметаны.

— Договорились, моя *сомбра*, — прошипел он. — Жду тебя вечером. Приходи одна. И без когтей — сегодня будем играть по моим правилам.

Он провёл языком по губам, провожая её взглядом, полным торжества и предвкушения.

Бастит, не говоря ни слова, развернулась на каблуках, резко ударила его хвостом по ноге — больно, с расчётом — и, гордо вскинув голову, вышла за дверь.

В коридоре её тут же встретила Юи.

— Ну как всё прошло? — подбежала она, её глаза лучились любопытством и нетерпением. — Я пыталась подслушать у двери, но, похоже, кабинет звуконепроницаемый... Ничего не разобрать! Только какие-то шорохи и этот его противный голос.

Юи заметалась вокруг Бастит, как встревоженная птица, пытаясь заглянуть ей в лицо.

— Низшие с нами, — коротко бросила Бастит, поправляя одежду и стараясь не встречаться взглядом с подругой. Она не хотела, чтобы Юи увидела в её глазах ту цену, которую ей пришлось заплатить. Не хотела объяснять, почему её голос дрожит, а пальцы до сих пор сжимаются в кулаки.

— Вот это да! — Юи радостно прыгнула, её хвост взметнулся вверх, выражая восторг. Она схватила Бастит за руки, сжала их в своих — тёплых, живых. — Ты потрясающая! Я всегда знала, что у тебя получится! Никто не может устоять перед твоей убедительностью!

Юи засмеялась, но её смех показался Бастит слишком громким для этого мрачного коридора.

— Теперь дело за водными кану! — продолжала Юи, не замечая напряжения подруги. — Надеюсь, Шайни преуспела!

Она с надеждой посмотрела в сторону коридора, ведущего к выходу из «низов», где в полумраке маячили фигуры телохранителей и смутные очертания Шайни, которая о чём-то тихо переговаривалась с одним из медведей.

— Надеюсь, — тихо повторила Бастит.

Она потрогала свои губы — на то место, где Зандар провёл языком. Кожа всё ещё хранила холод его прикосновения.

— Вечером, — прошептала она одними губами. — Вечером я заплачу эту цену.

А затем расправила плечи, подняла голову и пошла вперёд — вверх, к свету, который никуда не делся, просто ждал, когда за ним придут.

Даже если для этого придётся пройти через тьму.

— Всё плохо! — Рави вошел в кабинет Старейшей Арии широким, размашистым шагом. Внутри уже сидела Руби, понуро опустив голову, и седой кану-волк Аристер, опиравшийся на трость. — Кто бы мог подумать, сколько кану недовольны твоим правлением, Старейшая. Я только что говорил с главой «водных», кану-акулой Шарком, так вот — они за Бастит!

Старейшая Ария стукнула кулаком по столу, но удар получился несильным, скорее символическим. — Неблагодарный мерзавец! Я поддержала его притязания на власть, когда его мать отошла от дел! Я поговорю с Глорией... — начала она, но Рави её перебил:

— Да очнись ты уже! На твоей стороне только птичьи кану и горстка разномастных. Ты проигрываешь! После нашего поражения у замка Азазеля, кану устали от войны! Они тебе больше не верят! Они против присутствия каинки среди нас! Ты проиграла...

— И как ты мог это допустить? — понизила голос Старейшая.

Кану-волк Аристер поднялся со своего места, откашлялся. — Рави прав, Ария. Завтра, когда Бастит придет за тобой, ты должна сдать полномочия... Иначе будет битва, и живой из неё ты не выйдешь...

— Они не посмели бы прийти ко мне, если бы эта глупая олениха не дала Фриде уйти! — Старейшая в ярости ткнула пальцем в сторону Руби. — Они не посмели бы приблизиться, если бы знали...

Руби потупила взгляд, нервно теребя край своего платья. Слова Старейшей ранили её, но она знала, что в её словах есть доля правды.

Аристер резко повысил голос, его взгляд был полон решимости. — Перестань искать виноватых и посмотри правде в глаза, упрямица!

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне, Аристер! Я много лет служила Аркануму верой и правдой, и не позволю, чтобы какая-то нахальная девчонка пришла и всё испортила! — воскликнула Старейшая, её голос дрожал от гнева.

— Я согласен... Не Бастит должна быть "у руля", — тихо сказал Рави, внимательно следя за реакцией Старейшей.

— Найди Фриду! Приведи её сюда! — зло прошипела Старейшая Ария.

Рави молча закивал. Он посмотрел на Руби, которая всё ещё сидела, побледнев, и жестом позвал её к себе. Девушка быстро вскочила со стула и, цепляясь за его руку, поднялась.

— Призови сторонников, забаррикадируйтесь в оранжерее, — приказал Рави. — Бастит говорит, что хочет решить всё без насилия. Пусть так и будет. Тяни время, пока я не вернусь.

С этими словами, Рави и Руби покинули кабинет, оставив Старейшую Арию наедине с её мыслями и надвигающимся поражением.

Глава 4.

Погода резко ухудшилась, как только мы отошли от Арканума и вошли в густое темнолесье. Мелкий дождь и прохладный ветер — типичная погода для этой местности. Я обернулась на своих новых спутников. Кану-ящерица, который сжимал в руке крыло кану-лебеда, выглядел неважно. Он часто дышал, и его чешуя, казалось, слегка потускнела.

— Эй, ты в порядке? — решила я наконец нарушить давящую тишину.

— Да... да... дело близится к закату, нам нужно остановиться и разбить лагерь. До замка ещё целый день пути... нужны силы... — прохрипел он, с трудом переводя дыхание.

Мы прошли ещё несколько минут и остановились у небольшой поляны. Кану-лебедь помог своему другу сесть. Он прислонился к толстому дереву и задышал ещё сильнее. Девушка обеспокоено присела рядом.

— Я принесу воды... — предложила она.

— Да... спасибо... — слабо улыбнулся мужчина, пытаясь скрыть своё недомогание.

— Я тебе помогу, — тут же отозвалась я, и получила в ответ одобрительную улыбку.

Мы отошли от поляны подальше в лес.

— Так, где ты думаешь, тут ручей или водоём? — поинтересовалась я.

— Когда мы шли сюда, небольшой ручей был в той стороне, — она указала крылом в густую чащу.

— Когда вы шли сюда? Откуда? — не отставала я, чувствуя, что она недоговаривает.

— Пригнись! — тут же среагировала девушка, и, не раздумывая, упала на землю. Я, последовав её примеру.

В глубине леса показались две фигуры. Некрофаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.